

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»**

М.А. Дедюлина, Е.В. Папченко

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА

Учебное пособие для бакалавров

**Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2014**

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор кафедры философии
Института управления в экономических, экологических и социальных
системах Южного федерального университета **Богданов В.В.**,

доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории
права Таганрогского института управления и экономики
Андреева О.А.

Дедюлина М.А., Папченко Е.В. Профессиональная этика.
Учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2014. –
121 с.

Данная работа знакомит с философией морали. Особое
внимание уделяется рассмотрению профессиональной этики. Работа
предназначена для бакалавров всех направлений, изучающих
дисциплины «Философия», «Профессиональная этика», «Этика
деловых отношений».

© Южный федеральный университет, 2014

© Дедюлина М.А., 2014

© Папченко Е.В., 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мораль – это один из существенных аспектов взаимодействия личности и общества. Если бы те и другие интересы полностью совпадали, не понадобилось бы никакой морали. На уровне морального сознания отдельно взятого человека как биосоциального существа соотношение общественных и индивидуальных интересов непосредственно представлено в форме взаимоисключения долга и чувственных влечений. При этом долг человеком осознается как совокупность его обязанностей перед обществом и другими людьми, а чувственные влечения как его стремления к достижению плотских удовольствий или наслаждений. На деле выполнение долга есть проявление разумной воли индивида и всеобщего духа социума, а стремление к удовольствию является выражением его специфических особенностей как единичного чувственного существа, находящегося в согласии с самим собой только в рамках переживания приятных эмоций. Данная коллизия – внутреннее противоречие между – единичным и случайным в нравственном сознании человека.

В истории моральной философии это противоречие оказалось в центре внимания уже в рамках философских концепций стоицизма и эпикуреизма и продолжало осмысливаться в последующие эпохи развития философии (И. Кант, Ф. Ницше). Реальное же разрешение рассматриваемое противоречие находит в каждом данном случае лишь на уровне функционирования практического разума, т.е. совести. Чем выше степень развития совести, тем больше гарантий тому, что в нравственном поведении человека будет отдаваться общим моральным критериям, а не его пристрастным чувственным влечениям.

Только посредством подчинения своего поведения нравственным императивам социума человек сумел в далеком прошлом подняться над своим прежним животным образом и получил все необходимое для бесконечного совершенствования своей внутренней духовной природы и постижения. Каждое новое поколение должно осваивать не только наработанные предыдущими поколениями нравственные ценности, но и как бы в свернутом виде заново проходить историю становления и развития морали человечества, нацеленной на возвышение людей над их животным состоянием. В этом находится исток того, что нравственность от поколения к поколению прогрессирует не по прямой, а по

зигзагообразной линии.

Этика профессионалов должна соответствовать общечеловеческим гуманистическим критериям. Зачастую, провозглашая принципы гуманизма, профессиональные кодексы отстаивают обособленные корпоративные интересы профессиональных групп, порождая «корпоративную мораль», отчуждая «мир профессионалов» от общепринятого ценностного контекста.

Сегодня образование в течение всей профессиональной жизни, не только в период обучения в высшей школе, становится непреложным условием успешной профессиональной карьеры.

ГЛАВА 1 ФИЛОСОФИЯ МОРАЛИ

Тема 1.1. Понятие морали

В морали выражается общественная сущность человека и его коренное родовое отличие от животных. Одна из основных черт, которой человек отличается от животного, состоит именно в том, что он знает, что есть добро и зло. Смысл возникновения и функционирования морали заключается как раз в том, чтобы создать необходимые духовные предпосылки для налаживания и постоянного поддержания совместной жизни людей и приучить их считаться не только с интересами друг друга, но и общества в целом. Не случайно в морали приоритет всегда отдавался общественным интересам, которым в связи с этим должны были быть подчинены интересы индивидуальные¹.

В современном мире человек сталкивается с массой ситуаций, вызывающих противоречие между разными мотивами. Например, когда имеет место противоречие между желанием профессионального самоутверждения и обязанностями перед своей семьей, когда встает вопрос о выборе между более высоко оплачиваемой или более интересной работой, когда необходимость заботы о близких мешает реализации иных жизненных планов и т.д.

Явления общественной жизни в принципе можно классифицировать как моральные (относящиеся к морали и оцениваемые положительно), аморальные (относящиеся к морали и оцениваемые отрицательно) и неморальные. Наличие нормативного уровня этической теории требует поставить вопросы о трансляции принятых норм поведения от сознания одних общественных субъектов к сознанию других. Например, – от старшего поколения к младшему, от коллективного мнения к индивидуальному сознанию. Это связано с вопросом о пропаганде нравственных истин, о так называемом морализаторстве.

Нравственная проповедь, вообще говоря, представляет собой неотъемлемый элемент любой системы морали. Через нее этическая теория находит выход в практику. Позитивная функция нравственной проповеди заключается в ее влиянии на нравственные установки отдельных людей, в том числе на подсознательном, эмоциональном

¹ Дедюлина М.А. Этика. Учебно-методическое пособие. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005.

уровне, что важно для обеспечения практической действенности морали. Но тогда, когда в обществе происходит сильное рассогласование между официальной идеологией и реальными мотивами деятельности людей, нравственная проповедь превращается в морализаторство, т.е. в процесс формального провозглашения некоторых нравственных истин, в действительности не доходящих до реальных мотивов поведения. Такая проповедь способна породить лишь озлобление и даже вызвать желание поступать противоположным от провозглашаемых требований образом.

Мораль есть исторически сложившаяся и признанная обществом совокупность правил и норм поведения людей, регулирующих их отношения друг к другу, к разным социальным группам, обществу в целом и поддерживаемых личным убеждением (совестью) и силой общественного мнения. В определенных контекстах понятие морали нередко отождествляется с понятием нравственности. Однако, при рассмотрении поведения отдельно взятой личности, эти понятия следует различать. Так как для последней нравственностью являются лишь те нормативы общественной морали, которые стали внутренним элементом ее духовного мира и на которые она опирается (иногда неосознанно) в повседневном поведении. Если же брать общество в целом, то в категориальном плане мораль и нравственность в его жизнедеятельности предстают как одно и то же. Вызвано это в конечном итоге тем, что центральным и основополагающим пунктом морали является вопрос о соотношении общественных и индивидуальных личных интересов. Как верно подчеркивает Р.В. Петропавловский, мораль получает непосредственное выражение в волеизъявлении и практическом действии. Иными словами мораль предлагает ответы на вопросы «зачем?» и «как?» и вовсе не стремится постичь «что?» и «почему?». Не случайно один из «вечных вопросов морали» это – вопрос о цели и средствах в их сложном диалектическом единстве. В этой связи возникает вопрос: «Существует ли размежевание дефиниций «морали» и «этики»?

Исследования показывают, что это размежевание имеет место. Разграничение Ю. Хабермасом морали и этики напоминает гегелевское различие морали и нравственности. Однако соотношение этих понятий представлено у двух философов прямо противоположным образом. Для Гегеля, как и для современных философов, нравственность являет собой более высокий уровень, чем

мораль, поскольку моральные суждения, имеющие форму всеобщности, обретают конкретность, только когда мы являемся членами определенного сообщества. По Хабермасу, более высокий уровень представляет мораль, поскольку имеет дело только с одной, но абсолютной ценностью – справедливостью, тогда как этика занята ценностями относительными, которые могут ранжироваться по-разному не только при переходе от одной культуры к другой, но и в зависимости от изменения обстоятельств данного сообщества.

Например, Л.В. Максимов полагает, «первое (по времени и по существу) размежевание понятий этики и морали было связано с различием, с одной стороны, доктринально и (или) дисциплинарно оформленных жизнеучений (получивших имя этики), а с другой – совокупности особых регулятивных норм и принципов, составляющих содержание этических учений и (или) стихийно сложившихся и функционирующих в реальных социумах (т.е. всего того, что чаще всего и обозначается словом «мораль»).

Ретроспективно указанное соотношение этики и морали в их исторической динамике можно интерпретировать двумя прямо противоположными способами, в зависимости от принятой методологической установки: либо этику рассматривать как составной элемент совокупного морального сознания, его высший (рациональный) слой, т.е. как самосознание морали, как моральную («практическую») философию, – либо мораль рассматривать как «предмет» или «объект» этических изысканий и построений (т.е. трактовать этику как «философию морали», «теорию морали» или «науку о морали»)¹. Все вышеперечисленное имеет место в современной философии морали. А самое главное, подавляющая часть философов не видят разницы между понятиями «этика» и «мораль».

В моральной философии софисты вероятно первыми стали говорить, что в мире нет ни добра, ни зла, и что, следовательно, невозможно выводить нравственные требования из природы вещей. Можно сказать, что с этого утверждения началось самостоятельное моральное мышление, подорвавшее ту стихийную нравственность, которая без всякого размышления связывала индивида с законами, нравами и обычаями его народа. В этом плане интересна позиция Аристотеля, который критикует Платона за то, что тот смешал и

¹ Максимов Л.В. Этика и мораль: соотношение понятий. Сектор этики Института философии РАН Этическая мысль. Вып. 4. – М.: ИФ РАН. 2003.

связал добродетель со своим учением о высшем благе. «Это благо не имеет отношения к добродетели как таковой, – говорит Аристотель. – Ведя речь о бытии и об истине, он не имел оснований говорить о добродетели, поскольку они не имеют с нею ничего общего» (ММ, 1182а, 25-30). Согласно Аристотелю, имеют значения не теоретические обоснования добродетели, а скорее психологические условия ее формирования (представления о счастье как высшей цели; представления о мере как средстве достижения счастья и т.п.), которые, в свою очередь, определяются окружающей человека социальной средой или государством. Для Эпикура в основе добродетели лежит стремление к счастью. С его точки зрения, у всех людей при любых обстоятельствах представления о счастье одинаковы. У стоиков это убеждение превращается в идею, в соответствии с которой нравственность есть лишь частное проявление объективного закона природы. И. Кант полагает, что нравственные требования нельзя вывести ни из метафизического знания, ни из божественного откровения, ни из эмпирических фактов. Поэтому, нравственный закон обладает таким же всеобщим и необходимым характером, как и теоретическая истина. И это дает повод для объективации морали в философии Шеллинга и Гегеля. Таким образом, историю моральной философии можно представить так, по утверждению А.И. Бродского «критика нравственного объективизма приводит к идее автономии морали и к нравственному релятивизму; затем, в рамках автономной морали пытаются найти нормы, обладающие свойствами теоретической истины (всеобщностью и необходимостью); а нравственная норма, которая описана как теоретическая истина, дает повод рассматривать ее в качестве отражения чего-то существующего в объективной действительности. Этическая мысль постоянно возвращается на «круги своя». В XX веке существенных изменений в этике не произошло. Многовековая критика нравственного объективизма не возымела результатов. По-прежнему влиятельны различные формы натурализма, утилитаризма, интуитивизма и т.д.». Так, в европейской моральной философии мораль традиционно выступала и понималась как совокупность добродетелей, которые суммировались в образе совершенного человека, или совокупность норм поведения, задающих совершенную организацию общественной жизни. Это были два взаимосвязанных переходящих друг в друга аспекта морали - субъективный, личностный и объективированный, предметно

развернутый.

Считалось, что благо для отдельного человека и благо для государства (общества) – одно и то же. И в том и другом случае мораль понималась как конкретность индивидуально ответственного поведения, путь к счастью. Это, собственно говоря, и составляет специфическую предметность философии морали Запада. Так, А.А. Гусейнов пишет: «Ареной морали (и это существенно важно!) считалось общество и общественная (культурная) жизнь во всем богатстве ее проявлений; предполагалось, что в отличие от природы и в противовес ей вся опосредованная сознанием (знанием, разумом) область совместной жизни, включая политику, экономику, решающим образом зависит от решения, выбора людей, меры их добродетельности. Общественная цена человека определяется не только и не столько его личными моральными качествами, сколько моральной значимостью того совокупного большого дела, в котором он участвует»¹. Ч. Пирс обращает внимание на то, что знание творится людьми, а они сами являются субъектами нравственных отношений. А беспристрастное сравнение разных позиций, согласно Ч. Пирсу, как раз и составляет основное условие поиска научной истины, отбора верных гипотез. Здесь мораль ставится впереди всех иных областей философии и даже впереди всего человеческого познания.

Как мы уже говорили, возникновение морали сопровождало становление самого общества и означало переход первобытного человека от инстинктивных форм поведения к целесообразной и сознательной деятельности. Многие элементарные требования морали, которые появились в эпоху родового строя, сохраняют свое значение и в настоящее время. Мораль изначально была в первую очередь обращена к каждому индивиду и регулировала отношения «человек – человек», «человек – коллектив», «человек – общество». Появление морали связано с потребностью урегулирования отношений между людьми и управления общественными процессами на основе сочетания индивидуальных и общественных отношений. Мораль – это не только знания и умения воплотить их в жизнь, но процесс их реализации. Система морали представляет собой теоретический и обыденный уровни. Все структурные элементы морали содержат ценностные ориентации, цель моральной

¹ Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире. Сектор этики Института философии РАН / Этическая мысль. Ежегодник. – М.: ИФ РАН, 2000.

деятельности, средства (нравственные нормы) ее достижения, мотивацию деятельности, оценку предполагаемых или полученных результатов. Основными свойствами морали являются: императивность, нормативность и оценочность.

Именно формы актуализации морали в требованиях, суждениях, мотивах представляли в качестве субстрата единого исторического развития нравственности. Концептуально разработал эту проблему И. Кант. Это выразилось в его тезисе о том, что сущность морали состоит не в содержании, не в материи поступка, то есть не в том, что собственно человек совершает и к каким целям стремится, а в том, как, какой нормой поступок управляется, то есть в его форме.

Этой проблемой занимались российские исследователи: Р.Г. Апресян¹, О.Г. Дробницкий², опираясь, на кантовское различения формы и материи деяния, «моральная философия выработала парадигму, согласно которой мораль – это и есть совокупность признаков функционирования морали как особого феномена, отличного от феноменов аналогичного рода».

О.Г. Дробницкий выделил следующие признаки морали как системы требований, осуществляющих нормативную регуляцию поведения. Это а) не институциональная регуляция, б) в процессе которой осуществляются действительно-регулятивная, мировоззренческая, идеал-полагающая, духовно-критическая функции морали, в) в ней обнаруживается особая роль сознания и субъективного мотива, в частности, г) используются идеальные по характеру санкции и актуализируются мотивы «незаинтересованности», д) в требованиях морали отражен разлад между должным и сущим, они направлены на разрешение этого противоречия, е) моральная регуляция предполагает автономию субъекта по отношению к «внешне-эмпирическим и групповым воздействиям», ж) а также способность личности к «самозаконотворчеству», з) и особую форму личной ответственности, и) моральное требование универсально, а моральное суждение универсализуемо³.

Согласимся с точкой зрения Апресяна, что «по родовидовой спецификации данное определение морали содержательно. Однако

¹ Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., 1995.

² Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. – М., 1974.

³ Там же. С. 263 – 284.

это – содержание, внешнее морали. Однако установка на исследование способов существования и действия морали, при всей важности полученных теоретических результатов в понимании механизма морали, не позволила дать ответ на вопрос, какие потребности лежат в основе морали и на что именно (а не только как) она ориентирует человека»¹.

Согласно Гертю², содержание морали регламентируются поступками, которые регулируются моральными правилами. Например, убийство, ложь, воровство, кража, прелюбодеяние, которым соответствуют аксиомы: «Не убивай», «Не лги», «Не кради», «Не прелюбодействуй», а также: «Исполняй обещания», «Не обманывай», «Не причиняй страдания» и т.д. Заметим, что такое понимание морали через моральные максимы не совсем логично, так как, опираясь на них можно только охарактеризовать, какие действия включены в мораль.

С философской точки зрения, замечает Апресян, «поступок сам по себе, «по природе» не является моральным. Моральность определяется контекстом. Правда, в данном случае можно сказать, что заповедь приведена в свернутом виде, предполагает же она, что следует помогать слабым, именно проявляя заботу о них, жертвуя своим интересом. Но это – дополнение, которое не столько уточняет заповедь, сколько указывает на другую, более общую, в которой дан фундаментальный принцип морального действия вообще»³.

Итак, как пишет Апресян, с одной стороны, развитие морали трактуется исторически линейно: в функциональном плане – от простого к сложному (например, от приоритета внешнего регулирования к приоритету внутреннего регулирования поведения, в частности, от доминирующих механизмов страха и стыда к доминирующему механизму совести), в содержательном (ценностном) – от коллективных ценностей к ценностям личности (в частности, от авторитета группы к авторитету автономной личности). С другой стороны, в нравственном развитии человечества признается сосуществование различных по типу моралей, притом, что исторически они, действительно, могли возникать последовательно и отражать возрастающее усложнение условий социальной жизни и

¹ Апресян Р.Г. Указ.соч. С. 30 – 45.

² См.: Gert B. *Morality. A New Justification of the Moral Rules*. N. Y.; Oxford, 1988. P. 67.

³ Апресян Р.Г. Указ.соч. С. 45.

требований, предъявляемых к индивиду».

Анализом первой трактовки занимается философия от Аристотеля до Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, а также современные телеологические теории. Вторая развивается в постклассической философии, от Ф. Ницше и М. Шелера до М. Фуко и Э. Баумана; но косвенно она встречается у Н. Макиавелли, Б. Мандевиль. В русской философии первый подход представлен у В.С. Соловьева, второй – у В.В. Розанова.

Тема 1.2. Основные способы обоснования морали

Основными способами обоснования морали являются: 1) утилитаризм; 2) абсолютизм; 3) конвенционализм; 4) натурализм; 5) космизм; 6) социологическое обоснование морали.

2.1. Утилитаризм

Представители утилитаризма выводят мораль из чего-то внешнего в смысле социальных благ, необходимых для удовлетворения материальных и духовных потребностей людей. В отличие от гедонистических концепций, утилитаризм уже отражает тенденцию разделения коллективной и индивидуальной морали. Поэтому он говорит в основном о стремлении к расширению социальных благ, не изучая, как человек будет использовать эти блага.

Понятие «утилитаризм» принадлежит английскому философу Дж.С. Миллю (1806 – 1873). Им была написана работа «Утилитаризм» (1863), в которой он систематизировал и обосновал основные положения теории, которую разработал его учитель, Иеремия Бентам (1748 – 1832) в трактате «Введение в основание нравственности и законодательства» (1789). Так, по Бентаму, удовольствия и страдание суть основополагающие природные принципы человеческой жизни. Мораль, право и государство должны строиться в соответствии с этим природным началом. Он полагал, что удовольствие поддается измерению, если суммировать различные факторы – его субъективную интенсивность, длительность, вероятность, близость или удаленность во времени и влияние на дальнейшие удовольствия. Сложив все данные, можно без труда подсчитать, какое действие вызовет наибольшее удовольствие и наименьшую боль. Бентам предложил известный принцип подсчета суммы удовольствия: «Сложите все ценности всех удовольствий, с одной стороны, и все ценности всех страданий – с другой. Если баланс будет на стороне удовольствия, он дает хорошее стремление

действия вообще относительно интересов этого индивидуального лица...»¹. Он, например, логически не запрещает рассуждать в том плане, что если кто-то использовал другого в качестве средства для своего счастья, это могло принести ему страдание. Однако последующее счастье было столь длительным и столь интенсивным, что мимолетное страдание не идет с ним ни в какое сравнение. Следовательно, в такой ситуации вполне можно предпочесть личное счастье.

Дж.С. Милль отказывается от принципа количественного подсчета удовольствия, предложенного Бентамом, и подчеркивает значение качественных определений. Удовлетворение чувства собственного достоинства с его точки зрения до такой степени составляет необходимое условие счастья, что те люди, в которых оно сильно, не могут даже и пожелать ничего, что противоречит этому чувству, за исключением разве какого-либо моментального ненормального состояния.

Для социальных институтов Бентам обобщенно обозначает это начало как принцип полезности, или возможного счастья или благоденствия. Он говорит, что «величайшее счастье всех тех, о чьем интересе идет дело, истинной и должной целью человеческого действия», целью «во всех отношениях желательной», а также «целью человеческого действия во всех положениях, и особенно в положении должностного лица или собрания должностных лиц, пользующихся правительственной властью»². Милль выводит мораль из того, что составляет главную цель человека. Эта теория критикует эгоизм, в котором добро заключается в удовлетворении человеком личного интереса. Следовательно, мораль определяется им как «такие правила для руководства человеку в его поступках, через соблюдение которых доставляется всему человечеству существование наиболее свободное от страданий и наивозможно богатое наслаждениями»³. Другим основанием нравственного выбора при принятии человеком решения и совершении поступка является содействие благу. На такой основе он с готовностью признает и принимает категорический императив Канта, – но с определенным добавлением: «мы должны руководиться в наших поступках таким правилом, которое могут признать все

¹ Бентам И. Избр. соч. Т. 1. – СПб., 1867. С. 28.

² Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства / Пер., предисл., примеч. Б.Г. Капустина. – М., 1998. С. 9.

³ Милль Дж.С. Утилитарианизм. О свободе: 3-е изд. – СПб., 1900. С. 107.

разумные существа с пользой для их коллективного интереса». Требование соблюдения прав людей конкретизируется Миллем в учении о справедливости. Он предлагает такое понятие справедливости, сущность которого задается понятием права. Справедливость, считает он, заключается в сохранении status quo. Со справедливостью связаны требования – благодарности: всем отвечай добром на добро; возмездия (или наказания): всем воздавай по заслугам; и беспристрастности: отвечая как на добро, так и на зло, не взирай на лица. Все они также должны приниматься во внимание человеком при осуществлении выбора и совершении поступка.

Современный утилитаризм разделяется на два течения: *Утилитаризма действия* (Дж. Смарт, Т. Спридж, А. Нарвессон). Под действием данный вид утилитаризма понимает каждый отдельный поступок, совершаемый в конкретной ситуации. «В утилитаризме действия не может быть абсолютных правил против убийства, воровства, лжи и т.д., потому что ситуации различны и различны люди. Таким образом, все действия, которые в целом рассматриваются как аморальные, могли бы быть рассмотрены в утилитаризме действия в качестве моральных или аморальных в зависимости от того, вызовут ли они большее возрастание добра для всех в особенной ситуации»¹.

Утилитаризм правила (Дж. Эрмсон, Р. Брандт). В данном случае под действием понимаются уже типичные действия, совершаемые в типичных ситуациях, попадающих под действие правил, разрешающих данную ситуацию за счет того, что предлагаются некоторые образцы или устанавливаются необходимые запреты. Утилитаризм правила оценивает с точки зрения возрастания общего счастья законы, вводимые в обществе. В настоящее время в моральной философии утилитаризм правила является доминирующим. Это связано с тем, что он согласуется с получившим широкую поддержку тезисом о том, что есть такие правила, которые нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах, например, даже тогда, когда в силу некоторых исторических обстоятельств это может привести к увеличению темпов развития производства, к возрастанию общественного блага

2.2. Абсолютизм

Абсолютистские теории морали в основном исходят из того, что

¹ Jacques P. Thiroux, *Ethics. Theory and Practice*. Third edition. N.-Y.: Macmillan Publishing Company, 1986. P. 44.

нравственность – самое первое, решающее основание человеческого бытия, без нее невозможно никакое практическое развитие. Они утверждают, что есть такие незыблемые нравственные принципы, которые не должны нарушаться ни при каких условиях. Моральный абсолют – это не объект вне сознания индивида, и не понятие, воспроизводящее такого рода объект, и не идеальная конструкция разума, а специфическое состояние, особый феномен человеческой психики. Впервые термин «абсолют» появился в конце XVIII века в немецкой философии (Ф. Якоби, М. Мендельсон, Ф. Шеллинг и др.). Этот феномен в общем виде можно описать как «переживание абсолютности» (безусловности, категоричности) морального императива и как «содержательное единство»¹, фактическую тождественность основоположений морали для всех социализированных индивидов. Поскольку же психика поддается изучению эмпирическими методами, вместе с нею и абсолюты могут стать объектом научного описания и объяснения. Благодаря указанному допущению, мы избегаем традиционной для моральной философии альтернативы, ставящей исследователя перед выбором: либо абсолютистская позиция, основанная на спекуляции, либо научно обоснованный релятивизм. Данная альтернатива, как нам представляется, может быть снята с удержанием и синтезированием позитивных моментов, которые имеются с той и другой стороны. Эти позитивные моменты суть: абсолютистское понимание морали (в плане категоричности и самодостаточности ее принципов) и научно-детерминистический подход к ее исследованию.

Анализ абсолютистских и релятивистских концепций нередко затрудняется многозначностью самих слов абсолютное и абсолют, широко употребляемых и в научном, и в философском языке.

В *онтологическом контексте* абсолютное – это нечто существующее само по себе, ни от чего не зависящее; само себе равное, неизменное; вечная, постоянная основа изменчивой реальности; объективный образец, эталон; первоначало (в причинном, временном или сущностном смысле); объективно необходимое, неотвратимое; неизмеримое; всеохватывающее, единое, нерасчлененное и т.д.

В *эпистемологическом контексте* абсолютное – это

¹ См.: Absolut, das Absolute // Historisches Worterbuch der Philosophie. Basel, Stuttgart: Schwabe & Co Verlag, 1980. – Band 1. S.12.(3) Rescher N. Moral Absolut. New York etc.: Lang, 1989. P.IX.

исчерпывающее знание; совершенно точное знание; исходный принцип познания; последнее основание знания; логически необходимое, аналитически истинное знание; мысленный образец, когнитивный идеал и т.д.

В *аксиологическом контексте* абсолютное – это объективно ценное, ценное само по себе и для себя; универсально ценное; необходимо ценное; высшая ценность; ценностный идеал, совершенство и т.д. Абсолют – это некоторая объективная или субъективная реальность как носитель или воплощение свойства абсолютности, например, Бог как первоначало, Единое и т.д.; или: самодостверное знание; последнее основание знаний или ценностей; Добро само по себе и пр.

Каковы же конкретные проявления абсолютного в морали? Источником морального абсолютизма во всех – пусть даже неадекватных – его формах являются три действительно свойственных моральному сознанию признака, подпадающих под понятие абсолютного: безусловность, безотносительность моральных императивов, самодостаточность основоположений морали, их невыводимость из любых других суждений; обязательность, принудительность моральных императивов; универсальность, всеобщность, общезначимость, инвариантность содержания абстрактных принципов морали.

Впервые эти признаки в качестве специфически моральных атрибутов названы и исследованы И. Кантом (причем первый и второй признаки он объединял общим понятием «категоричность»). Он изобрел принцип универсализации и первым его применил. В его философии он стал не только определенным моральным аргументом – средством заставить людей подумать дважды или почувствовать свою вину, но и необходимой основой морали. Принцип универсализации может звучать как одна из версий Золотого правила: «поступай так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой». Кант рассматривает случаи, когда люди творили добро, которое даже могло быть их долгом, но не из соображений долга, а согласно своим наклонностям, таким как эгоизм, или даже доброжелательность, или тщеславию. Красноречивый пример – владелец магазина, не завышающий цену неопытному покупателю, но только потому, что в его интересах не делать этого. Наверное, он посчитал, что покупатель скорее вернется или что его магазин будет иметь хорошую репутацию. Владелец магазина действует достаточно честно, но не по

велению того праведного чувства, что он обязан действовать именно так и никак иначе. Здесь нет драгоценного камня, который сияет собственным светом. В этом случае действует не добрая воля. Так что же это такое? Форма ответа проясняется из примеров. Добрая воля – это то, что действует по определенному доброму мотиву. Она действует не из соображений закона или долга. Категорический императив в его первоначальной форме, так называемая Формула универсального закона.

Позднее Кант излагал его по-другому. Вот одна из формулировок: «Действуй так, чтобы максима твоего поведения должна была стать посредством твоей воли всеобщим законом природы» (Формула закона природы). Другая, возможно, самая влиятельная: «Действуй всегда так, чтобы человечество всегда в твоём лице или в лице других людей было конечной целью, а не средством» (Формула человечности). Не вполне ясно то, что эти разные версии могут быть выводимы одна из другой, но Кант рассматривал их как эквивалентные. Вполне вероятно, что у нас здесь есть два важных этических принципа, или две версии одного принципа, и они подтверждены только разумом. Это последнее утверждение трудно доказать, но возможно, проводится именно такая идея.

Самыми убедительными примерами реального действия Категорического императива являются следующие: когда само существование института зависит от достаточной производительности труда достаточного количества людей. Предположим, что наша способность давать и выполнять обещания зависит от общего согласия с правилом держать обещание. Если мы будем нарушать их достаточно часто, или если нарушение обещаний станет «законом природы», тогда перестанет существовать само понятие «давать и нарушать обещания», потому что никакое слово больше не будет иметь нужной силы. Так, Кант рассматривает человека, руководствующегося принципом: «Можно, я дам обещание под давлением обстоятельств, но потом его не выполню?» Этот аргумент приводит Канта к Формуле гуманности: «Так что действуй гуманно, в отношении собственной личности или любого другого, всегда как в отношении и, а не средства». Конечно, нелегко точно определить, что она включает, но общая идея о том, что надо помнить об уважении друг к другу, что нельзя забывать о любви друг к другу. Деонтологическими в наиболее строгом смысле слова являются

концепции этиков-кантианцев, как А. Донаган и А. Гьюирт. Для них нормативные положения, определяющие содержание этически «правильного», формулируются в основном негативным путем и представляют собой требования воздерживаться от определенных действий, квалифицируемых как злодеяния. При этом в центре внимания находится не общее количество злодеяний в обществе и не способы его сократить, а собственное поведение индивида, его намеренные поступки.

Основой морали в этих концепциях является здравый смысл и моральная традиция. Однако большинство пытается вывести ее из наиболее общих рациональных принципов морали. Таким принципом является уважение к достоинству человека как рационального субъекта. В точной негативной формулировке А. Донагана: «Не дозволено проявлять неуважение к любому человеческому существу, самому себе или другому как к разумному созданию». Развернутый и последовательный вывод морально «правильного» можно обнаружить у А. Гьюирта. Подыскивая средства для воплощения своих целей, индивид осознает свою разумность. Он понимает, что для осуществления способности к разумному поведению ему необходимы свобода и определенные ресурсы (благосостояние). Как разумный субъект он требует осуществления своего права на свободу и благосостояние. Наконец, универсализуя свое требование, он должен признать те же права за всеми разумными существами.

Современная деонтология смыкается с этикой права и является основной формой современной деонтологии. Именно в этом многие исследователи усматривают основное отличие кантианства второй половины XX в. от этики самого И. Канта, ориентированной на обоснование обязанностей. Нормативно- и теоретико-этические концепции существовали в истории философии нераздельно, теоретические рассуждения о морали плавно перетекали в моралистику или непосредственно сливались с нею. Это иллюзорное единство скрывает действительный ход мысли философа, препятствует объективной оценке его концепции. Категоричность и объективность морального императива находят свое объяснение в метафизической конструкции, полагающей источником морали тот или иной реально существующий абсолют. Категоричность морального веления обусловлена в этом случае либо абсолютной авторитетностью источника (Бога), либо объективной необходимостью тех отношений, отражением или проявлением

которых является данный императив. Доказать, или обосновать, моральные ценности – значит найти «последнее основание», на котором строится вся система этих ценностей, т.е. найти моральный абсолют – незыблемый, самодостаточный, универсальный принцип нравственности, из которого выводимы все частные, конкретные нормы и оценки. Можно согласиться с Н. Решером в том, что «релятивизм в форме моральной индифферентности и нигилизма глубоко укоренился в культурном этосе нашей эпохи, бороться с ним одними только теоретическими аргументами – это все равно что обратить вспять морское течение с помощью метлы». Моральный абсолютизм, таким образом, – это, во многих случаях, «стыдливый релятивизм», желающий быть в ладу с общественной моралью.

2.3. Конвенционализм

Конвенционалистские теории изначально появились, в качестве альтернативы креационистским теориям возникновения морали. Это теории общественного договора, разработанные такими философами как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж-Ж. Руссо. В них естественный закон является фундаментом справедливости. Так, например, у Руссо, народ наделяется правом отзыва или свержения правителя в том случае, если возглавляемое им государство неадекватно выражает природный закон, если условия договора нарушаются. «Если... раб не может без ограничения подчиняться своему господину, то как, может народ без всяких ограничений подчиняться своему властелину? И если раб может следить за тем, выполняет ли его господин условия договора, то, неужто, народ не может следить, соблюдает ли договор его повелитель»?¹

Современные договорные теории понимают мораль как общественное сознание, которое формулирует правила жизни в социуме, являющиеся нейтральными по отношению к индивидуальным ценностям. Так, Р. Нозик разработал одну из наиболее популярных либертарианских (т.е. радикально либеральных) теорий².

Следуя традиции Дж. Локка, Нозик полагает, что люди от рождения свободны. Насилие и принуждение по отношению к ним правомочно лишь в очень ограниченном объеме, главным образом для предотвращения физического ущерба, кражи или мошенничества, а

¹ Руссо Ж.Ж. Избр. соч.: В 3 т. Т. 1. – М., 1961. С. 684.

² Дедюлина М.А., Папченко Е.В. Прикладная этика. Учебное пособие. – Таганрог: Изд-во Технологического института ЮФУ, 2007. С. 70-73.

также для наказания виновных, если правонарушения совершены. Основой свободы является частная собственность, условия обладания которой характеризуют права государства и отношения между людьми. Право владения частной собственностью конституируется при наличии двух условий – справедливого начального приобретения собственности и ее справедливого «перемещения». Право на приватизацию ничьей вещи (вещи, у которой нет частного собственника) основывается на локковском представлении о том, что собственность – это природная вещь, в которую владелец вложил свой труд или исправил ее за счет труда, т.е. приспособил к человеческим потребностям. Приватизация некоторой ничьей собственности справедлива по Нозику, если она не ухудшает положение других граждан, лишая (или ограничивая) их возможность пользоваться благами, которыми они раньше пользовались. Если же ухудшение наступает, то справедливость может быть восстановлена за счет адекватной компенсации потерпевшим. Справедливыми формами «перемещения» собственности являются продажа, обмен, дарение и наследование. Все то, что заработано честным трудом и честным путем перемещено, не может быть отчуждено. Он выступает против разбухшего государственного аппарата в пользу «минимального государства», основная задача которого заключается в защите граждан от физического насилия, воровства, мошенничества и нарушения договорных обязательств. Бюрократия, занимаясь распределением отчужденных через налогообложение средств для обездоленных (в том числе и средств здравоохранения), нередко потребляет большую их часть на свое собственное функционирование. На обвинение в том, что либертарианцы оставляют нищету в удел миллионов, подчеркивается, что одно дело – право с его принуждающей силой. С точки зрения права, если богатство нажито честным путем, то нельзя насильно забирать его часть в пользу бедных. Другое дело моральный долг благотворительности и сострадания, который обязывает состоятельных граждан к добровольным пожертвованиям в пользу бедных.

В качестве особой теоретической позиции, которая призвана если не разрешить, то смягчить противоречия между сторонниками государственных систем помощи неимущим и их противниками, выступает коммунитаризм. Коммунитаристы считают, что разрешение проблемы справедливости необходимо перенести с

общечеловеческого уровня на уровень конкретных общин – групп людей, проживающих в ограниченном регионе, объединенных общей историей, занятиями, родовыми и прочими связями. Справедливы принципы, которые соответствуют традициям и ценностям данной общины и признаются в качестве таковых ее членами. Эти правила должны быть выработаны членами общины, которые с непреложной необходимостью приводят к очередному витку роста государственной бюрократии. Чем больше государство стремится помочь бедным и обездоленным в защите их прав и интересов, тем больше ему нужно чиновников, которые эту помощь будут распределять и контролировать. Тем меньшая часть общественных ресурсов достанется именно нуждающимся. Коммунитаристское понимание справедливости включает общинную солидарность и благотворительность как свои существенные элементы.

Особое место среди современных теорий справедливости занимают концепции немецких философов К.-О. Апеля¹ и Ю. Хабермаса. Они считают, что справедливого баланса равенства и неравенства, пропорциональности и беспристрастности можно достичь, если все лица, которых затрагивают те или иные политические, экономические или иные (например, медицинские) действия или нормы, смогут принять участие в честной, построенной на рациональной аргументации публичной дискуссии. В самом названии «**дискурсивная этика**» отражаются два возможных значения: 1) Корни всех этических отношений, а главное, решений этических проблем, следует искать в дискурсе и коммуникации субъектов. Дискурс в этой трактовке является универсальным методом, общим подходом («дискурсивная этика»). 2) В качестве предмета интереса среди всех этических проблем выделяются только *нормативные коллизии коммуникации*: дискурс в этом случае является предметом, областью этического интереса («этика дискурса»).

Апель постоянно подчеркивает, что дискурсивная этика связывается им преимущественно с первым значением. Один из серьезных критиков Апеля, Х.-М. Баумгартнер, недоумевал по поводу того, как моральная идея вообще может быть соединена с «практикой

¹ В анализе моральной философии К.-О. Апеля использовались работы: Apel K.-O., *Diskursethik als Verantwortungsethik. Eine Postmetaphysische Transformation der Ethik Kants.* // Fornet-Betancourt R. (Hrsg.), *Ethik und Befreiung. Dokumentation zur Tagung: Philosophie der Befreiung: Begründungen von Ethik in Deutschland und Lateinamerika.* Aachen, 1990; Назарчук А.В. *Этика глобализирующегося общества.* – М., 2006.

бесконечной говорильни»: «Не может быть, чтобы человек, постоянно дискутирующий и опутывающий своими дискурсами других, а также постоянно вовлекаемый другими в дискурс, воспринимался как подлинно нравственный субъект». Серьезные возражения Апель встретил с самых разных сторон. **В частности, наиболее распространенный упрек в опасности «фундаментализма», который несет в себе проект «окончательного» обоснования этики, впервые озвучил Хабермас.** Оригинальность и специфика проявились в четырех основных чертах дискурсивной этики – *деонтологическом, универсалистском, процедурном и когнитивистском* характере моральной теории. Эти черты сближают этику дискурса с этикой кантовского типа, но одновременно корректируют этику Канта. Во-первых, дискурсивная этика корректирует *деонтологический* характер кантовской этики тем, что требует включить в моральный принцип учет последствий действий моральных субъектов. Тем самым, должны с самого начала быть преодолены ригористические последствия чистой «этики убеждений», согласно которым, по Канту, «из любви к человечеству» запрещается обман даже потенциального убийцы при поиске им своей жертвы. Во-вторых, дискурсивная этика стремится преодолеть монологический характер кантовского категорического императива путем включения в перспективу морального действия всех «заинтересованных и тех, кого это касается». В своем требовании *универсализации* норм Апель отказывается в моральной значимости всем тем конвенциональным теориям – институциональным, договорным, традиционным, – в которых норма может служить «соглашением» между участниками, неприемлемым для всех других участников (принципиально безграничного) сообщества заинтересованных. В-третьих, для дискурсивной этики характерна нормотворческая установка, достигаемая путем внедрения *процедурных* механизмов универсализации этического содержания в процессе коммуникации. Не существует содержательных норм, которые бы были априорно моральными. Но существуют процедуры *тестирования* морального содержания и *обоснования* моральных норм. Тем самым, формалистический характер кантовской моральной теории – в аспекте разработки указанных нормативных процедур – в дискурсивной этике даже усиливается. Наконец, еще более ярко выражен в дискурсивной этике *когнитивистский* и даже интеллектуалистский характер моральной теории. Защищая

дискурсивную этику, Апель требует от морали способности «разумного постижения *значимости (обязательности) принципа благого и должного*». Он призывает различать три измерения морали. Традиционная мораль «заповедей» решает проблемы *микроморали*, регулирующей непосредственные интеракции субъектов («ближних»). Она покрывает все этико-психологическое поле человеческих отношений, мало меняющихся со временем. Поэтому в этой сфере должны продолжать доминировать моральные традиции различных культур. Их проблемного поля, однако, уже недостает для того, чтобы покрывать область *мезоморали*, возникающей за пределами индивидуальных интеракций в области отношений сообществ и институтов, например, в смысле ответственности политика за общее благо в государстве.

Традиционная мораль создала здесь корреляты этических комплексов – политика, хозяина, лидера и т.д. Но на самом деле в различных воинских и княжеских моральных кодексах она лишь адаптировала установки микроморали к задачам «государственного резона». Наконец, проблемы, которые встают перед *макроморалью*, являются для истории абсолютно новыми: они подразумевают ответственность за судьбу всего человечества – включая прошлые и будущие поколения – перед *глобальными вызовами*, несущими угрозы человечеству как целому. Апель подчеркивает планетарный характер макроморали эпохи, погруженной в глобальные кризисы. *Свои рассуждения он начинает с основополагающего для него вопроса: «Зачем быть моральным?». Зачем быть моральным, если можно не быть таковым. В этом вопросе в сконцентрированном виде скрываются все другие проблемы морального сознания: что есть моральность, как быть моральным и т.д. На самом деле, это лишь завуалированная формулировка задачи окончательного обоснования морали.* Он выдвигает гипотезу о соответствии в рамках теории ступеней морального развития *онтогенетического и филогенетического аспектов.*

Центральное место в реконструкции историко-культурной эволюции обществ он отводит концепции Ясперса *об осевом времени* мировых религий, в котором и усматривает точку открытия культурами «трансцендентного», т.е. принципа постконвенциональной морали. С ростом познавательных способностей и социального опыта развивается способность индивида к универсализации этических понятий и к повышению

своей этической компетенции. Эти способности, однако, были бы не востребованы, если бы в культурном индивиде не существовали стимулы и социальные модели повышения этой компетенции. Именно в этом Апель видит выдающееся значение религиозных и философских идеалов «осевой эпохи» для развития этического разума. На доконвенциональном уровне моральные субъекты практически отказываются от конвенций, опираясь на спонтанное и непосредственное взаимное соглашение (из страха или выгоды). Конвенциональный уровень выдвигает в качестве основы нравственного поведения социальную конвенцию, которая в виде неписаной нормы или закона опосредует взаимные отношения. Наконец, постконвенциональный уровень предполагает существование универсальных моральных принципов, которыми определяются интеракции.

Во всех трех случаях критерием для определения морального качества взаимоотношений служит «принцип взаимности». Он является той *минимальной нормой*, которая характеризует масштаб человеческого бытия, сохраняющийся на всех ступенях морального развития. То, что именно взаимность составляет основное содержание морального сознания, дискурсивная этика объясняет антропологической укорененностью принципа взаимности в человеческом языке и языковой коммуникации. Знаменательно, что Апель говорит о «двухступенчатой» этике в отличие от «одноступенчатой» этики Канта. «Дискурсивная этика не может, в отличие от чисто деонтологической этики принципов кантовского происхождения, исходить из абстрактного состояния вне истории, из некоего «пункта ноль» истории. Она должна скорее принимать во внимание, что человеческая история – так же как мораль и право – уже всегда началась и обоснование конкретных норм, не говоря уже об их ситуационном применении, тоже может и должно прилагаться к определенным жизненным формам исторически конкретизированной нравственности».

Раздел *общего обоснования этики* не должен быть смешиваем с полем *традиционных прикладных проблем этики*, что отчасти происходит в традиционной этике. Двухступенчатая этика, считает Апель, позволяет полностью сохранить перспективу поликультурного и исторического исследования, не утрачивая и не игнорируя деонтологическое значение «факта разума». Абстрактная *часть А*, в свою очередь, является «двухчастной». Именно потому, что основной

принцип этики, о котором идет речь, должен сохранять все признаки категорического императива, он должен быть отделен от задачи обоснования конкретных норм. Двухчастной является и часть Б. В ней проводится важное различие между этическими и правовыми нормами, моральностью и легальностью: 1) В части Б¹ происходит моральное обоснование полномочий принуждения у правового государства и, таким образом, значения правовых норм, покоящихся на принуждении; 2) Часть Б² касается морального опосредования моральности в смысле части А и стратегического действия в смысле того, что можно называть ответственной политикой.

Основной принцип дискурсивной этики получил в ходе ее разработки несколько формулировок. Его самая простая форма, обозначаемая как «принцип дискурса» (**D**), подчеркивает значение дискурса как основополагающего критерия для легитимации норм: «Нормы только тогда имеют значение, когда они находят (или могут найти) согласие всех заинтересованных как участников практического дискурса». Принцип дискурса нередко конкретизируется в требовании достижения согласия как главной интенции, с которой моральные субъекты включаются в дискурс. Названный принцип можно обозначить «постулатом достижения консенсуса» (*Konsensusbildungspostulat*) (**K**). Принцип консенсуса подразумевает требование подвергать всякое решение тестированию «на предмет возможности его принятия путем консенсуса», но он еще не позволяет отличать легитимный консенсус от нелегитимного. Как уже было сказано, «договор», согласно Апелю, не является, в отличие от аргументативного дискурса, моральным явлением *per se*, поскольку может быть заключен участниками с аморальными целями.

Критерии, благодаря которым консенсус определяется как моральный или immoralный, формулируются в основополагающем для дискурсивной этики «принципе универсализации» (**U**), сформулированном Хабермасом. «Каждая значимая норма должна удовлетворять условию, что следствия и действия, которые предварительно возникают из *всеобщего* следования им ради удовлетворения интересов *каждого* отдельного индивида, могут быть без принуждения признаны всеми заинтересованными лицами». Принцип универсализации является «дискурсивной версией» категорического императива.

В этом качестве он также предстает в виде «императива действия» – **U^h**. Он ориентирован в первую очередь на конфликты

интересов, вопросы справедливости, что сужает его область значений по сравнению с принципами D и K. Но именно он разъясняет суть трансформации категорического императива. Как уже было указано, **суть морального развития как личности, так и человечества Апель видит в способности при образовании морального суждения вычленить и универсализировать идею взаимного уважения человеческих интересов.** Принцип взаимности «не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе», является в каком-то смысле обратной формулировкой принципа «око за око, зуб за зуб» (и одно не исключает другого), но в нем уже отчетливо звучит признание взаимного интереса ближнего, равноценного твоему собственному интересу. Даже если под «другим» подразумевается неопределенный круг возможных участников интеракции, здесь еще ничего не говорится о возможном присутствии «третьего», о моральной релевантности поступка в отношении ко всему сообществу.

Следование «золотому правилу морали» по отношению друг к другу еще не гарантирует моральности действий и в суммарном эффекте может покрывать аморальные действия. Апель обобщает этические характеристики дискурса, определяющие, подобно «правилам аргументации», его нормативную базу, в моральных понятиях свободы, равноправия и открытости. Авторы дискурсивной этики были в XX в. почти единственными из крупных философов, кто положил в основание своей концепции «этику категорического императива». Дискурсивный принцип дополняется у Апеля *морально-стратегическим принципом дополнительности (E)*, конституция которого очевидно отличается от формального категорического императива, предписывающего не принимать в учет привходящих обстоятельств: «В первую очередь во всех делах речь должна идти о том, чтобы гарантировать выживание человеческого рода как реального коммуникационного сообщества, во-вторых, о том, чтобы осуществить в реальном коммуникативном сообществе идеальное коммуникационное сообщество. Первая цель является необходимым условием второй; а вторая дает первой смысл – смысл, который уже антиципирован в каждом аргументе». Деонтологическая «моральность» постконвенциональной этики не должна вступать в противоречие с конвенциональной «субстанциальной нравственностью», но скорее должна стать возможной и осуществимой в рамках последней. Точно также не требуется

заменять естественные традиционные институты и конвенции непосредственно аргументативным дискурсом. Скорее требуется постепенно наполнять их новым содержанием, которые благоприятствуют утверждению дискурсивного принципа. Этот процесс длится – особенно в Европе – уже столетиями и в демократическом парламентском государстве находит вполне удачные исторические формы.

2.4. Натурализм

Натурализм как принцип представлен в теориях морали. Фундаментальным для данного направления является выведение морали из неизменного, внеисторического природного начала человека. Так, к примеру, в моральной философии античности – это гедонистические и эвдемонистические теории морали. В работах Дж. Бруно натурализм объединяется с пантеистическим принципом. Эта моральная теория достаточно основательно осмысливаются в философии морали в XVII-XVIII вв. Так, например Л. Фейербах, исходили из этого принципа в понимании природы человека и его стремления к счастью.

Современный натурализм (Фарбер, Трайб, Ролсон, Ф. Нагел, Г. Сэткамп) отличается от классического натурализма тем, что использует достижения современной науки, в частности этнологии, показавшей, что животные сообщества имеют взаимоотношения, сходные с выполнением некоторых моральных обязанностей. Неонатурализм пытается сблизить человека и животных, вывести мораль из однотипной психической организации и базовых инстинктов, как полагается, присущих всем живым организмам.

Эволюционный подход в моральной философии непосредственно связан с эволюционной научной теорией. В духе научного эволюционизма в данном случае мораль анализируется в качестве момента в развитии биологической эволюции, коренящейся в самой природе человека. На этом фундаменте моделируется нормативный принцип морали: **морально положительно то, что способствует жизни в ее наиболее полных выражениях.** Эволюционная этика выводит мораль из общего всему живому стремления к сохранению рода. Ее основоположником является Г. Спенсер (1820 – 1903). Он выводит мораль из природы человека. Человека он оценивает просто как более высокий продукт эволюции, по сравнению с животными. Спенсер опирается на дарвиновскую идею о борьбе за существование. Он пишет, что «Наилучшее

поведение есть то, которое приводит к наибольшей продолжительности, широте и полноте жизни», а «конечной нравственной целью» является удовольствие, или счастье»¹.

Таким образом, мораль у Спенсера связана с пользой, которая есть источник наслаждения. Одним из тех моральных философов, которые стали изучать взаимную помощь как реальный фактор эволюции был русский мыслитель П.А. Кропоткин (1842 – 1921). Испытав определенное влияние со стороны Ч. Дарвина, К.Ф. Кесслера (эволюционные идеи, принцип взаимопомощи), О. Конта, П.Ж. Прудона, М.А. Бакунина (идеи солидарности людей, их свободы и равенства) и др., он создает достаточно обоснованную, подкрепленную фактами концепцию универсальной моральности на основе взаимопомощи (шире – общности). При этом предполагается, что подлинный гуманизм связан с осмысленным учетом в человеке и биологического (потребности, позитивные инстинкты), и социального (свобода, справедливость и т.п.). Как и конкурентная взаимная борьба, взаимопомощь имеет природные основания (это один из законов природы)², но в отличие от изматывающей схватки не на жизнь, а на смерть именно взаимопомощь: облагораживает индивида, укрепляет и способствует прогрессу всего сообщества, составляет наиболее благоприятную почву для развертывания свободы, ибо вне сотрудничества и справедливости она рано или поздно превращается в свою противоположность.

Эволюционная мораль прошла в своём развитии несколько этапов: социальный дарвинизм – этика и социальная теория, основанные на дарвиновском учении о видовом отборе; этика, сориентированная на этологию – науку о поведении животных, и социобиология – этическая и социальная теория, базирующиеся на достижениях в области эволюционной генетики. Современные теории морали принимают все догмы классического эволюционизма. Если классическая эволюционная этика (Г. Спенсер, К. Кесслер, П.А. Кропоткин, Дж. Хаксли, др.) говорила о качестве необходимых для выживания или размножения особей или группы, которые отбираются в ходе эволюции, а этология (Ч.О. Уитмен, К. Лоренц,

¹ Спенсер Г. Соч: Герберта Спенсера. Основания этики [§246]. Т. II. – СПб., 1899. С.5.

² См.: Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса. – М., 1922. С.17.

Н. Тинберген и др.), исходят из генетической обусловленности поведения животных и человека, стремится к тщательному, детальному изучению психофизиологических механизмов поведения, то в социобиологии (Э. Уилсон, М. Рьюз, В.П. Эфроимсон, др.) были предприняты попытки раскрыть конкретные генетические механизмы поведения. Говоря о социобиологии человека Э.О. Уилсон пишет: «Если бы мы были зоологами с другой планеты и нам надо было составить полный каталог социальных животных на Земле, то при таком макроскопическом подходе гуманитарные и общественные науки оказались бы специализированными разделами биологии; история, биографическая и художественная литература – протоколами исследований поведения человека; а антропология в единстве с социологией образовала бы социобиологию одного из видов приматов»¹.

Социобиологи, пытаются вывести мораль непосредственно из каких-то биологических основ организации жизни, например, из стремления гена к самосохранению (Р. Докинс). При этом не учитывается, что ген это просто носитель некоторой информации, которая не может быть реализована вне функционирования отвечающего ей целостного организма, или без того, чтобы встроиться в другой организм, вызвав изменение направленности развития некоторых его процессов. Сам по себе ген не обладает никакими волевыми качествами, направленными на самосохранение. Кроме того, даже если предположить, что когда-то, какие-то закодированные на генетическом уровне механизмы альтруистического поведения будут достоверно обнаружены, это вряд ли можно будет назвать моралью.

В ряде социобиологических концепций (Э.О. Уилсон, М. Рьюз) признается то, что на мораль оказывает влияние социокультурная среда. «...Я считаю, – говорит Рьюз, – поскольку мы взялись за биологическое объяснение происхождения человеческой морали, требования оправдания (в смысле обоснования) являются незаконными. Скорее, эволюционно-этическая позиция ориентирует на то, что чаще известно как «этический скептицизм» или «моральный нигилизм». Мы исповедуем наши моральные убеждения потому, что иметь такие убеждения для нас полезно в адаптивном смысле – только и всего. Мораль обладает не большим

¹ Цит. по: Ап Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., 1995. С.61.

онтологическим значением, чем иные полезные человеку средства адаптации, такие как рука или глаз»¹.

Генетик В.П. Эфроимсон (1908 – 1989) в статье «Родословная альтруизма»² говорит о групповом отборе, продолжая традиции популяционной теории эволюции. Опираясь на эволюционную генетику, он делает вывод, что имеет место отбор на альтруистичность: выживают те группы, у индивидов которых появляется и закрепляется генетическая структура, определяющая альтруистическое – помогающее, самоотверженное, жертвенное – поведение. Теоретическая значимость эволюционно-генетического изучения поведения человека несомненна. Однако эволюционизм в построении теории морали ограничивается общеантропологическими определениями человека и сводит мораль к адаптивному поведению, при котором сознательность и способность к саморегуляции, столь существенные для морали, не получают объяснения и адекватного выражения.

2.5. Космизм

Если космологизм – это явление, устоявшееся в европейской философии еще с античности, то космизм – это направление, которое зародилось и реализовалось впервые в России. А.В. Разин пишет по этому поводу так, «космизм как самостоятельное философское течение, полагающее не только зависимость человека от космических сил, но и наполняющее эту зависимость особым нравственным смыслом, превращающим факт ее осознания в ведущий нравственный мотив поведения, а также допускающим практический выход человека в космос, – преимущественно русское явление»³.

Основная тема космизма – место человека в космосе. Для него характерно уверенность, что, с одной стороны, содержание космоса определяет человеческую природу, а с другой – что у человечества есть космическая миссия и деятельность человечества должна иметь космический характер. Идеи космизма можно увидеть в фантастике XVIII – XIX вв. («Новейшее путешествие» В.А. Левшина, «Путешествие в страну Офирскую» М.М. Щербатова, повести

¹ Рьюз М. Эволюционная этика: здоровая перспектива или окончательное одряхление? // Вопросы философии. 1989. №8. С.39.

² Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика. – М., 1998. С. 446-449.

³ Разин А.В. Этика. – М., 2003. С. 364.

О.И. Сенковского («Барон Брамбеус»), В.Ф. Одоевского и др.). Искусствоведы говорят о космических мотивах в симфониях П.И. Чайковского, А.Н. Скрябина, С.В. Рахманинова, в живописи М.В. Нестерова, Н.К. Рериха, в поэзии В. Брюсова, В. Хлебникова и др. Языком искусства выражается понимание единства космоса, Земли, человека, гармонии мира. Идеи космизма представлены в русской религиозно-идеалистической философии. В русском космизме можно выделить два направления: религиозный и естественнонаучный.

Для примера рассмотрим идеи Николай Федоровича Федорова (1828 – 1903). Федоров вносит в христианство активный антропологизм; он выступает против той пассивности человека, которую рекомендует христианство. Ему чужда евангельская беззаботность птиц небесных, он – за трудовой дух, трудовой образ жизни, он не выносит праздности и шалостей. По его мнению, философия должна радикально изменить свою ориентацию. «Вся философия и всякая философия несостоятельна, если она – мысль без дела». Философия должна ориентировать человека на активное преобразование действительности. Ведь именно разделение мысли и дела обрекает человеческий род на взаимные распри, **порабощение** природой. Он полагает, что сама природа ищет в человеке своего «хозяина», а не только «исследователя», «космос нуждается в разуме, чтобы быть космосом, а не хаосом». «Мир или природа придет к самосознанию и самоуправлению через объединившиеся в общей цели и в общем деле существа, ныне в розни и в бездействии находящиеся»¹.

Вторая сторона «общего дела» – переустройство самого человека. Федоров говорит о человеке как об источнике зла: «Человек сделал, по-видимому, все зло, какое только мог, относительно и природы (истощение, опустошение, хищничество), относительно и друг друга (изобретение истребительных орудий и вообще средств для взаимного уничтожения); самые пути сообщения, чем особенно гордится современный человек, и те служат лишь стратегии или торговле, войне или барышничеству; а барышничество смотрит на природу именно как на кладовую, откуда можно добывать средства для удобства жизни и наслаждений, и хищнически истребляет и расточает веками накопленные в ней богатства». Он пишет о двусоставной природе человека: он имеет животно-природную и

¹ Федоров Н.Ф. Соч. – М., 1982. С. 361.

самодеятельно-трудовую сторону. То, что человек произвел сам себя через труд и сознание, – и есть основа его собственно человеческой сущности, которая непрерывно расширяется и в итоге должна совершенно преобразить его природно-биологическую основу.

В основе федоровского плана регуляции лежит убеждение, что человечество начинает новый этап развития мира, когда оно отказывается быть пассивным созерцателем этого развития и направляет развитие в новую сторону. В «Философии общего дела» формулируются два вопроса регуляции: продовольственный, санитарный. Санитарный вопрос философ понимает как всеобъемлющий «вопрос об оздоровлении Земли и притом всей, а не какой-либо отдельной местности». «Восстановление здоровья телесного и душевного всего рода человеческого, освобождение от болезней не только хронических и эпидемических, но и от наследственных, органических пороков – вот в чем заключается содержание санитарного вопроса». Продовольственный вопрос в первом приближении разрешается через овладение атмосферными явлениями, регуляцию метеорологических процессов, когда ветры и дожди обратятся в вентиляцию и ирригацию земного шара как общего хозяйства». Далее он говорит о поисках новых источников энергии, овладения энергией Солнца.

Разрабатывая проект регуляции, Федоров с самого начала подчеркивал неотделимость Земли от космоса, тонкую взаимосвязь происходящего на нашей планете с процессами во Вселенной. В качестве одной из возможностей регуляции природы он рассматривает использование вооруженных сил. В процессе регуляции, по его мнению, должен изменяться и сам физический организм человека. Нужно превратить питание в «сознательно творческий процесс – обращения человеком элементарных, космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани». Иными словами, нужно поддерживать и воссоздавать свой организм, не уничтожая другой жизни, а, подобно растениям, «из самых простых природных, неорганических веществ».

Однако Федоров не ограничивается рассмотрением проблемы питания. Нужно, считает ученый, чтобы человек ту же силу ума, которую он направляет на развитие техники, обратил на свои органы, на их развитие и преобразование. Это и станет задачей «психофизиологической регуляции». В итоге «человеку будут доступны все небесные пространства, все небесные миры, ...когда он

сам будет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что только тогда он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы». Когда человечество научится управлять силами природы, изменит себя, тогда оно покончит с голодом, удовлетворит иные свои потребности и тем самым покончит и с источником человеческой вражды. Но общее дело на этом не заканчивается. Центральным пунктом, вершиной регуляции для него становится воскрешение всех умерших на Земле. Он связывает свое учение с христианской религией, которая придает особую ценность идее воскресения и вечности жизни. Воскрешение видится ему как происходящее в родственно связанном ряду: сын воскрешает отца как бы из себя, отец своего отца и т.д. По мнению ученого, творчески-преобразовательная деятельность людей не замкнется пределами нашей планеты. Он говорил о будущем заселении человечеством других небесных тел. Таким образом, программа Федорова включает регуляцию природы в противоположность ее эксплуатации и утилизации, переустройство самого человека победу над смертью и выход в космос. Он рассматривал свой проект не как утопию, а как особую радикальную «рабочую» гипотезу и обосновывает неизбежность выхода человечества в космос¹.

Идеи космизма развивают также Тейяр-де-Шарден² и Д.-С. Соммэр.

2.6. Социально-детерминистический способ обоснования морали³

Главная задача следующего способа обоснования морали заключается в необходимости ограничения эгоизма ради поддержания стабильности социальной организации. Общество, в данном случае, является основополагающим, из которого выводится необходимость морали, обращение к общественным отношениям, прежде всего к базовым – производственным, полагается достаточным и для объяснения процесса возникновения моральных норм и для характеристики специфики моральной мотивации.

Так как общество изменяется, моральные нормы при данном способе построения нравственной теории выглядят как релятивные, зависимые от этапа общественного развития, от взглядов конкретного исторического субъекта, организующего производственную

¹ Федоров Н.Ф. Соч. – М., 1982. С. 361.

² См: Тейяр-де-Шарден П. Феномен человека. – М., 1987.

³ См подробнее: Разин А.В. Этика. – М., 2003. С. 370 – 374.

деятельность, контролирующего процесс воспроизводства общественной связи. Относительность морали, принадлежащей разным классам, подробно аргументируется Ф. Энгельсом в работе «Анти-Дюринг». Там утверждается, что моральным системам разных классов, даже если они взаимно сосуществуют, принадлежат разные моменты истинности. Наиболее истинна, с точки зрения Энгельса, та мораль, которая отвечает условиям деятельности прогрессивного общественного класса, утверждающего себя в качестве организатора нового способа производства. Характер преобразовательной деятельности прогрессивного класса таков, что он неизбежно вовлекает в нее достаточно широкие слои населения. Это соответствует всеобщему способу выражения нравственного требования, зафиксированному в процедуре его мысленной универсализации. Одним из основополагающих моментов социального детерминизма является принцип сведения индивидуального к социальному. Согласно данному принципу, мотивы деятельности личности формируются преимущественно под воздействием социальной группы, к которой она принадлежит. В классовом обществе мотивы прежде всего зависят от классовой принадлежности. Поэтому лица, находящиеся в одинаковых обстоятельствах жизни, действуют принципиально одинаково. В морали же, где каждое действие человека понимается как результат индивидуального выбора, которому предшествуют длительные нравственные искания, данный принцип может быть использован лишь с известными ограничениями. Чем более развита индивидуальность личности, чем более глубока ее саморефлексия, тем меньше значение этого принципа для объяснения индивидуального поведения. В современном мире мы сталкиваемся с огромным количеством примеров мотивации, при которой человек выходит за пределы локального общения и пытается принять на себя ответственность за судьбы человечества. Следующей важной чертой социально-детерминистического способа обоснования морали является идея практического подтверждения целесообразности выполняемых в обществе норм. Под практикой здесь понимается выживаемость, успех в борьбе за существование тех социальных групп, которые выполняли данные нравственные принципы. Например, как полагается в данной системе рассуждений, в древнюю эпоху выжили те племена, которые не нарушали запрет кровосмешения, следовали принципу «договоры должны

исполняться», в средние века – те группы, которые выполняли цеховые правила и т.д.

Вопросы и задания

1. Докажите примерами из жизненных ситуаций, что нравственная проповедь представляет собой неотъемлемый элемент любой системы морали.

2. Можете Вы согласиться с утверждением И. Канта, что сущность морали состоит не в том, что собственно человек совершает и к каким целям стремится, а в том какой нормой поступок управляется.

3. Если человек совершает какой-либо поступок, то можно его назвать моральным?

4. Почему Гегель разделяет понятия мораль и нравственность?

5. Согласны ли Вы, с утверждением утилитаристов, мораль можно вывести из социальных благ, необходимых для удовлетворения материальных и духовных потребностей людей.

6. И. Кант писал:

«Делать добро есть долг. Кто часто делает добро и ему удаётся осуществить свою благодетельную цель, приходит, в конце концов, к тому, что действительно любит того, кому он сделал добро. Поэтому, когда говорят: полюби ближнего, как самого себя, то это не значит, что ты должен непосредственно (сначала) любить и посредством этой любви (потом) сделать ему добро, а наоборот – делай своим ближним добро, и это благодеяние пробудит в тебе человеколюбие»¹.

1) Правда ли, что если делать человеку добро, то полюбишь его?

2) В Евангелии говорится «возлюби ближнего твоего». Почему же Кант не считает возможным сделать любовь мотивом морального поведения?

7. Рассмотрим формулировки кантовского «категорического императива»:

а) «Поступай только согласно той максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»².

1) Почему, согласно Канту, всеобщим законом должен стать мотив

¹ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. – М., 1965. С. 260 – 275.

² Там же.

поступка, а не сам поступок должен стать всеобщим примером?

2) Почему Кант отверг идею, на которой часто основывается нравственное воспитание: поступай согласно всеобщим нравственным законам, которые должны стать твоим мотивом?

б) «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹.

1) Что означает на практике «отнестись к человеку как к цели»? Казалось бы, к себе самому никто не станет относиться как к средству. Почему же «относиться к себе как к цели» оказывается требованием морали? Как конкретно выполнить это требование? Почему Кант формулирует правило «по отношению к человечеству», а не к отдельному человеку?

8. Жан-Жак Руссо был одним из первых, кто подверг критике цивилизацию и её достижения в период Нового времени:

«Наши науки и искусства обязаны своим происхождением нашим порокам... Их порочное происхождение ясно видно из их назначения. К чему нам были бы искусства, если бы не было питающей их роскоши? Нужна ли была бы юриспруденция, если бы не существовало человеческой несправедливости? Во что обратилась бы история, если бы не было ни тиранов, ни войн, ни заговорщиков? ...

Если для достижения той цели, которую они ставят перед собою, наши науки бесполезны, то по производимому ими действию они ещё и опасны. Будучи порождены праздностью, они, в свою очередь, питают её; первый ущерб, неминуемо причиняемый ими обществу, — непоправимая потеря времени. ...

О добродетель, высшая наука бесхитростных душ! Неужели нужно столько труда и усилий, чтобы познать тебя? Разве твои правила не начертаны во всех сердцах? И разве для того, чтобы изучить твои законы, недостаточно углубиться в себя и, заставив умолкнуть страсти, прислушаться к голосу своей совести? Ведь в этом и заключается истинная философия»².

1) Какие аргументы относительно вреда науки и искусства выдвигает Руссо?

2) С какой позиции критикуется наука в современном обществе?

3) Если Вы не согласны с Руссо, обоснуйте свою позицию.

¹ Там же.

² Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 1. – М., 1961. С. 53–55, 64.

9. Если человек следует принципу «разумного эгоизма», всегда ли это приведёт его к нравственному поведению?

10. Согласны ли Вы с аргументами Спенсера, что мораль связана с пользой, которая есть источник наслаждения?

11. Проведите сравнительный анализ «двухступенчатой» этики К.-О. Апеля и «одноступенчатой» этики И. Канта?

12. Американский философ В. Данэм приводит следующие точки зрения на то, какой поступок считать добрым:

- приятный для меня;
- приятный для большинства людей;
- одобряемый мной;
- одобряемый обществом;
- соответствующий моральному закону;
- соответствующий божественному закону;
- соответствующий достижению идеала;
- означающий что-то, но мы не можем сказать, что именно;
- ничего не означающий

1) Какое определение более всего подходит Вам?

2) Какое из приведенных определений больше всего соответствует духу морали?

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Тема 2.1. Категории добра и зла

Категории добра и зла являются наряду с долгом основополагающими для этики. В философии известны следующие концепции добра и зла.

Этический интеллектуализм или просветительская концепция, утверждающая, что зло связано с незнанием. Так считал Сократ, так думали Просветители – достаточно усовершенствовать систему образования, как исчезнет и зло¹. Необходимо развивать интеллект, просвещение, совершенствовать науку.

Этический оптимизм, утверждающий, что зло – это маленький фрагмент мира, в котором все стремится к добру (стоики). Зло даже необходимо для утверждения добра. Все, что нам кажется как зло, в действительности служит порядку и красоте мира как целого. Мир как целое добр. В рамках этого подхода принято рассматривать зло как временное испытание, служащее, в конечном счете, целям торжества справедливости и правды (Плотин, Г. Лейбниц).

Социальный детерминизм видит источник зла в социальных несовершенствах и несправедливости (марксизм). Причина зла – не в слабости интеллекта, а в плохих социальных условиях: нищета, плохое воспитание, тяжелые условия жизни – все это создает почву для совершения порочных поступков.

Теории психоанализа видят источник зла в природе человека, а именно, в сфере бессознательного (А. Шопенгауэр, З. Фрейд, Ф. Ницше, Э. Фромм).

Антропологические теории (М. Бубер, М. Шелер, Э. Фромм) продолжают линию психоанализа, рассматривая зло как более фундаментальную и первичную характеристику человека, определяющую его наиболее глубокую, но тщательно скрываемую сущность. Добро и зло в их антропологической действительности являются не двумя однородными структурами, как их обычно считают, а совершенно разнородными. Они не воспринимаются человеком одновременно. Понятие о добре является вторичным, тогда как зло изначально и первично.

¹ Дедюлина М.А., Папченко Е.В. Этика. Учебное пособие. – Таганрог: Изд-во Технологического института ЮФУ, 2007.

Русская нравственная философия отождествляет добро и личное нравственное совершенствование человека, повышение духовности и гуманизацию всего общества.

Добро и Зло – наиболее общие понятия морального сознания, разграничивающие нравственное и безнравственное. Они являются универсальной этической характеристикой всякой человеческой деятельности и отношений. **Добро есть все, что направлено на созидание, сохранение и укрепление блага. Зло есть уничтожение, разрушение блага.** Исходя из того, что гуманистическая этика в центре ставит человека, его уникальность и неповторимость, его счастье, потребности и интересы, первый критерий добра – все то, что, способствует самореализации сущности человека, его самораскрытию, самовыявлению. Вторым критерий добра и одновременно условие, обеспечивающее самореализацию человека, – гуманизм и все, что связано с гуманизацией человеческих отношений. Таким образом, Добро и Зло противоположны по своему содержанию: в категории добра воплощаются представления людей о наиболее положительном в сфере морали, о том, что соответствует нравственному идеалу; а в понятии зла – представления том, что противостоит нравственному идеалу, препятствует достижению счастья и гуманности в отношениях между людьми. Взаимная непобедимость добра и зла не означает, что их борьба бессмысленна и не нужна. Смысл этой борьбы в том, чтобы всеми возможными средствами уменьшать «количество» зла и увеличивать «количество» добра в мире, а главный вопрос – какими способами и путями добиться этого.

Основной спор ведется между сторонниками борьбы со злом с позиции силы и сторонниками этики ненасилия, базирующейся на идее непротивления злу насилем. Здесь ненасилие рассматривается как наиболее действенное и адекватное средство противостояния злу, как единственно возможный реальный путь к справедливости, ибо все другие пути оказались не эффективными.

Насилие и ненасилие, являются диалектической парой наподобие левого и правого или представляют собой различные стадии в развитии одного и того же процесса. Речь идет о том, выражают ли эти понятия альтернативные или последовательно меняющиеся друг друга способы действия.

В понимании *насилия* существуют два подхода, один из которых можно назвать абсолютистским, другой – прагматическим. Согласно

первому, понятие насилия несет четко выраженную негативную оценочную нагрузку и употребляется в очень широком значении, включающем все формы физического, психологического, экономического подавления и соответствующих им душевных качеств, как ложь, ненависть, лицемерие и т.д. Оно прямо отождествляется (во всех его многообразных проявлениях) со злом вообще. Прагматический подход ориентируется на ценностно-нейтральное и объективное определение насилия и отождествляет его с физическим и экономическим ущербом, который люди наносят друг другу. Такая интерпретация позволяет ставить вопрос об оправданности насилия, возможности его использования в определенных ситуациях, но при этом отсутствует критерий для его решения.

Ненасилие в отличие от насилия является не особым случаем иерархической связанности человеческих волей, а перспективой их солидарного слияния. Ненасилие исходит из убеждения в самоценности каждого человека как свободного существа и одновременно взаимной связанности всех людей в добре и зле. Обратите внимание на то, что одно из часто повторяемых возражений против ненасилия как исторической программы состоит в том, что оно исходит из слишком благостного и потому реалистического представления о человеке. В действительности это не так. Считать человека радикально злым – значит незаслуженно клеветать на него. Считать человека бесконечно добрым – значит откровенно льстить ему. Должное же ему воздается тогда, когда признается моральная амбивалентность человека. Таким образом, понятия насилия и ненасилия нельзя понять вне соотнесения друг с другом. Чтобы раскрыть конкретный характер этой соотнесенности, их надо рассматривать не сами по себе, а в более широком контексте борьбы добра против зла, борьбы за социальную справедливость и человеческую солидарность. Насилие и ненасилие представляют собой разные перспективы в борьбе за справедливые отношения между людьми в обществе. Нависшая над человечеством глобальная опасность – ядерная, экологическая, демографическая, антропологическая и другие – поставила его перед роковым вопросом: или оно откажется от насилия, «этики вражды» или оно вообще погибнет. Философия и этика ненасилия сегодня уже не являются просто актом индивидуальной святости, они приобрели в высшей степени актуальный исторический смысл.

Основные принципы этики ненасилия. Во-первых, отвечая на зло насилем, мы не побеждаем зло, так как не утверждаем добро, а, напротив, увеличиваем количество зла в мире. Во-вторых, ненасилие разрывает «обратную логику» насилия, порождающего эффект «бумеранга зла» (Л. Толстой), согласно которому, содеянное тобой зло обязательно вернется к тебе. В-третьих, требование ненасилия ведет к торжеству добра, поскольку способствует совершенствованию человека. В-четвертых, не отвечая на зло насилем, мы противопоставляем злу не бессилие, а силу, ибо «подставить щеку» трудней, чем просто «дать сдачи».

Таким образом, ***ненасилие – не поощрение зла и не трусость, но способность достойно противостоять злу и бороться с ним, не роняя себя и не опускаясь до уровня зла.***

Сторонники насильственной формы борьбы со злом, не считая насилие позитивным явлением, приводят, тем не менее свои аргументы. Во-первых, насилие они расценивают скорее, как вынужденную необходимость, чем как желаемое состояние. Главный их аргумент в защиту насилия – безнаказанность зла в условиях ненасилия. Во-вторых, недостаток этики ненасилия ее противники видят в ее слишком идеализированном, на их взгляд, представлении о человеке. *На самом деле в основе концепции ненасильственной борьбы лежит признание моральной двойственности природы человека – единства в нем и доброго, и злого начал.* Это предполагает определенную стратегию и тактику борьбы со злом, цель которой – усиление и приумножение добра. Если насилие направлено на подавление или уничтожение противника и лишь временно заглушает конфликт, то стратегия и тактика ненасильственной борьбы направлены на устранение самой основы конфликта. Таким образом, сторонники ненасилия берут на себя ответственность за зло, против которого борются, и приобщают «врагов» к тому добру, во имя которого ведется борьба.

Понятие ***долга*** ввел в античную философию Сократ, причем не теоретически, а своим послушанием тому приговору, который ему вынес суд Афин. Хотя Сократ был не согласен с приговором суда, но он не мог его нарушить, будучи законопослушным гражданином; тем самым, он продемонстрировал своей смертью пример выполнения гражданского долга. Понятие долга в теоретическом плане появляется только у римских стоиков.

Идея долга, как основополагающего понятия нравственности,

имеет свои особенности на Востоке. *Восточное осмысление долга связано с его максимальной конкретизацией.* Например, в индуизме долг каждого человека состоит из трех обозримых и достижимых вещей: в соблюдении своей «дхармы» (наследственных обязанностей), в выполнении «артхи» (обязанности домохозяина и гражданина), а также в исполнении «камы» (обязанностей любви). Все эти обязанности достаточно конкретны и прозрачны, для их выполнения не надо прилагать каких-либо интеллектуальных усилий.

Западное понимание долга, наоборот, максимально абстрактно носит философский характер. Это связано с тем, что к моменту появления этой идеи на Западе, уже сложилась интеллектуальная философская традиция. Западная этика провозглашает лишь саму идею долга, которую сам человек должен наполнить конкретным содержанием. Только сам индивид, исходя из конкретной жизненной ситуации, может и должен решить, в чем конкретно заключается его долг. Так, римские стоики (Эпиктет, Сенека, Марк Аврелий) проповедовали идеал невозмутимости и покоя (атараксии). Это состояние достигалось путем разделения всех благ на внешние (которые не находятся во власти человека и по отношению к которым следует быть совершенно спокойным). А также внутренние (состояние души, которое находится целиком во власти человека и зависит от него). Все внешнее относится к безразличной с моральной точки зрения сфере адиафоры (adiafora). *Адиафора – сфера, нравственно безразличная, которая не находится во власти человека (к этой сфере стоики относят все явления внешнего мира – дом, богатство, друзья, родственники, даже само физическое тело человека).* Стоики считали, что только внутренний мир человека имеет нравственное значение и определяет его состояние души (счастье). «Единственное благо – в нас самих, говорит Эпиктет, также как зло – в наших неразумных понятиях и преступных желаниях». Следует подчиняться тому, что от тебя не зависит (внешний мир) и улучшать в себе то, что зависит от тебя (внутренний мир). В чем заключается «долг» человека в понимании стоиков? Во-первых, в познании необходимости и подчинении ей. Во-вторых, в развитии своей воли и формировании внутреннего мира. В-третьих, в достижении особого душевного состояния – внутренней свободы, невозмутимости и спокойствия. Наконец, долг состоит в том, чтобы «быть человеком» в любых ситуациях.

Многие идеи стоицизма, прежде всего, учение о нравственном

долге, были развиты в Новое время И. Кантом. Главное открытие И. Канта – что в морали человек выступает собственным (и одновременно всеобщим) законодателем. Представление о долге, по мнению И. Канта, не выводится из опыта, который фиксирует испорченность человеческой природы. «Не нужно быть врагом добродетели, чтобы сомневаться есть ли в мире добродетель». Моральные законы берут свое начало в чистом разуме, на этом основывается их всеобщность и необходимость. Чистый разум – это очищенное от всего эмпирического мышление, исходящее из логических идей. Чистый разум дает людям моральный закон, который имеет форму императива, то есть чистый разум принуждает человека к поступкам. Автономия чистого разума и есть свобода. Нравственный закон, выведенный из чистого разума, является безусловным, автономным, всеобщим и священным.

Важнейшее понятие этики И. Канта – идея человеческого достоинства. «Не поддерживает ли честного человека в огромном несчастье, которого он мог бы избежать, если бы мог пренебречь своим долгом, сознание того, что в своем лице он сохранил достоинство человечества и оказал ему честь и что у него нет основания стыдиться себя и бояться внутреннего взора самоиспытания?... Человек живет и не хочет в собственных глазах стать недостойным жизни. Это внутреннее успокоение удерживает человека от опасности потерять собственное достоинство»... «Оно – результат уважения не к жизни, а к чему-то совершенно другому, в сравнении, с чем жизнь со всеми ее удовольствиями не имеет никакого значения». Исходными началами кантовской этики являются постулаты о свободе воли, бессмертии души и бытии бога, то есть как раз те идеи, которые не смог разрешить чистый, теоретический разум. Чистый разум не в состоянии решить эти вопросы, поскольку он впадает в неразрешимые противоречия – антиномии, связанные с тем, что разум способен доказать оба противоречащих друг другу суждения (Бог есть – Бога нет; человек свободен – человек подчиняется, подобно всему природному миру, законам естественной необходимости, т.е. не свободен; мир имеет начало во времени и пространстве – мир бесконечен). Выход из сложившегося тупика был найден Кантом в наличии у человека практического разума, или морали. Для того чтобы спасти мораль (и человека как моральное существо), необходимо признать свободу воли. Главное открытие Канта, что человек в морали выступает сам себе законодателем, при

этом его решение будет моральным, если он выступает от имени всего человечества. Собственно моральным является такое поведение, которое не обусловлено никакими причинами, способными на него повлиять. Свобода воли понимается Кантом как независимость от условий или безусловность. Если человек выполняет чужую волю, он не свободен. Если он действует из какого-то интереса (корыстного, честолюбивого) либо из побуждений чувственности, он не свободен. Если он действует вследствие какой-либо побуждающей причины (внутренней или внешней), он не свободен. Такие действия подходят под формулу *гипотетического императива*, имеющего вид: «если хочешь достичь такой-то цели, сделай то-то». Гипотетический императив относится к действиям, когда известна цель и известны средства. Часто это просто технический императив: если хочешь повесить картину, вбей гвоздь. Если хочешь стать богатым, иди в сферу торговли. Если хочешь стать счастливым, следуй правилам житейского благоразумия.

Совсем иной характер имеет *категорический императив*, в котором отражается сущность морали. Категорический императив ничего не говорит ни о цели, ни о средствах, но только о форме поступка, по которой можно судить о его моральности. Это чистое должествование, основанное на идее свободы воли каждого человека как разумной и ответственной личности. Поступок является моральным, если он сам является целью и может стать образцом для всеобщего законодательства. Высший моральный закон И. Канта имеет несколько формулировок: 1. *«Поступай согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»*. Так как нравственный закон не содержит в себе ничего, кроме всеобщей целесообразности поступков, категорический императив не может быть ничем иным, как требованием к человеческой воле руководствоваться данным законом. 2. *«Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»*, или *чтобы человечество в нашем лице всегда было свято и выступало самоцелью*. Этот императив является высшим принципом учения о добродетели. Категорическим он является по той причине, что его следует выполнять не ради каких-то иных целей, а ради него самого, и потому, что он не нуждается в каких-либо доказательствах. Основанием его служит то, что «разумное

естество существует как цель сама по себе». Моральность вообще состоит в подчинении своих действий принципу разума. 3. «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства».

Моральный закон, по мнению Канта, находится в душе и в совести каждого человека. Таким образом, Кант считает, что свобода и необходимость существуют в разных отношениях, в разных мирах, они нигде не пересекаются. Кант конкретизирует понятие *долга*, выделяя следующие его виды: 1. Долг человека по отношению к высшим существам (если они есть). 2. Долг человека перед человеком. 3. Долг человека перед низшими существами (например, животными). Более подробно он останавливается на втором виде долга (собственно нравственном), разделяя его на две части – долг человека перед собой и долг перед другими людьми. Долг человека перед самим собой распадается на две части – забота о сохранении своего физического тела (забота о собственном здоровье) и забота о себе как духовном существе (обязанность совершенствоваться в культурном и нравственном смысле). Долг человека перед другими заключается в обязанности уважения, благожелательности и любви. Способствовать счастью ближнего – нравственный долг человека, гораздо более благородный и достойный, чем цель стремиться к собственному счастью.

Тема 2.2. Нравственный долг. Справедливость

Долг – это принятая личностью необходимость подчинять общественной воле.

Нравственный долг – это превращение требований общественной морали в личный императив конкретного лица и добровольное его выполнение. Источником долга является общественный интерес. В долге он обретает повелительный характер, формируя нравственную обязанность индивида по отношению к другим людям и самому себе. Таким образом, долг не тождествен **обязанности**: простое исполнение обязанностей еще не есть долг в этическом смысле слова. Понятие долга обогащает сухое понятие обязанностей глубокой личной заинтересованностью в их исполнении, добровольным принятием и осознанием их необходимости.

Справедливость – категория не только морального сознания, но также правового, экономического и политического. Не случайно великие античные философы (Платон и Аристотель) выделяли эту

категорию в качестве основной для оценки состояния всего общества. Понятие справедливости отражает не только отношения людей между собой, но и по отношению к некоторому целому. Справедливость – системное качество, содействующее общему благу. Вне понимания значения сохранения этого целого в интересах всех оценка отдельных действий как справедливых или несправедливых, теряет смысл.

Справедливость – одно из основных понятий нравственного сознания и важнейшая категория теоретической этики. Справедливость одновременно определяет отношения между людьми по поводу их взаимных обязанностей и по поводу распределения совместно произведенных материальных и духовных благ. В зависимости от понимания того, какой должна быть справедливость, полагаются одинаковые обязанности (одинаковое отношение к некоторым правилам поведения) для всех лиц и уравнивающее распределение или разные обязанности для разных лиц (например, дифференцированный уровень ответственности при выполнении разных работ) и дифференцированное распределение.

Так в древнеиндийской философии существовало учение о «рите» – порядке вещей и незыблемом мировом законе справедливости, который определяет место всему существующему. В древнекитайской философии роль мирового закона и справедливости играет «дао» – естественный текущий порядок вещей. Первая фундаментальная концепция справедливости как социального явления была высказана Платоном. Правовые аспекты понятия справедливости были разработаны уже в Древнем Риме. Христианство учит верующих тому, что Бог не только всемогущ и всеблаг, но и справедлив. Его справедливость – высшая сила, он всем воздает по заслугам. Эта категория была основополагающей для таких мыслителей, как Дж. Локк, Д. Юм, Г. Спенсер, П. Кропоткин. Так у Платона в «Государстве» справедливость дороже всякого золота, а несправедливость – это величайшее зло, какое только может в себе содержать душа, а справедливость – это величайшее благо. «Только те любезны богам, которым ненавистна несправедливость», – говорит Демокрит. Уже в античности считалось, что справедливым может быть как отдельный человек, так и государство (и соответственно, несправедливым) Аристотель верно обратил внимание на то, что справедливость выражает не какую ту одну добродетель, а охватывает их все. Он говорил, что «... правосудность (справедливость) есть полная добродетель, (взятая), однако, не

безотносительно, но в отношении к другому (лицу). Поэтому правосудность часто кажется величайшей из добродетелей, и ей дивятся больше, чем «свету вечерней и утренней звезды»¹. П. Кропоткин справедливость связывает со стремлением к восстановлению нарушенной из-за неправильных действий гармонии целого. Первобытные дикари и более цивилизованные народы по сию пору понимают под словами «правда», «справедливость» восстановление нарушенного равновесия².

Аристотель стал тем мыслителем, который заговорил о справедливости как соразмерности. В его концепции различается «распределительная» и «уравнительная» справедливость. «...Распределительное право, с чем все согласны, должно учитывать известное достоинство»³. Уравнительное право фактически означает, что соблюдается эквивалентный обмен моральными качествами, что правила, одинаковые для всех, должны всеми обязательно выполняться.

Совершенно другая концепция справедливости (тяготеющая к морали, а не к праву) – в марксизме, социально-политическом учении, возникшем на почве социального утопизма, критического анализа политической экономии капитализма, а также моралистических идей о всеобщем равенстве и счастье. Идея равенства – моральная идея, присущая многим религиозным и эсхатологическим концепциям. К. Маркс полагал, что можно создать такое общество, где не будет насилия, преступлений, войны. Он считал, что для этого надо создать «гуманные» условия для творческого труда как способа самореализации личности. Эта теория во многом связана с концепцией «трудового воспитания» как метода борьбы с преступностью. Социальная справедливость заключается, по Марксу, в том, чтобы создать для всех людей равный доступ к средствам производства, распределения и потребления (как материальным, так и духовным).

Среди современных теорий справедливости наиболее известна концепция Дж. Ролза: Справедливость – мера равенства и мера неравенства. Люди должны быть равны при распределении социальных ценностей. Однако справедливым будет и неравенство, когда это такое неравное распределение, которое дает преимущество

¹ Аристотель. Сочинение: В 4 т. Т.4. С.147.

² Кропоткин П.А. Этика. – М., 1991. С.75.

³ Аристотель. Там же. С.151.

каждому. Определение справедливости, которое дает Ролз, распадается на два принципа: 1. Каждый человек должен обладать равным правом в отношении наиболее обширной системы равных оснований свобод, совместимой с подобными свободами других людей. 2. Социальное и экономическое неравенства должны быть организованы таким образом, чтобы: а) от них можно было бы ожидать преимуществ для всех и б) доступ к положениям и должностям был открыт всем. Очевидно, что равенство не всегда и не для всех является предпочтительным. Так равенство в социально-экономической сфере, если оно достигается ценой ограничения экономической активности и принудительно низким уровнем жизни большинства граждан, не может считаться благом. Наоборот, неравенство в богатстве может быть основой компенсирующих преимуществ для каждого человека (например, благодаря высокому прогрессивному налогу, которым облагается богатство), и тогда оно, конечно, справедливо. Этот принцип является основой всей системы социальной справедливости большинства стран Запада (Швеция, Канада, Нидерланды).

Особое место среди современных теорий справедливости занимают концепции немецких философов К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса. Они считают, что справедливого баланса равенства и неравенства, пропорциональности и беспристрастности можно достичь, если все лица, которых затрагивают те или иные политические, экономические или иные (например, медицинские) действия или нормы, смогут принять участие в честной, построенной на рациональной аргументации публичной дискуссии. Как пишет Хабермас: «Необходимы коммуникативные предпосылки универсально расширяющегося дискурса, в котором все могли бы высказать свои аргументы, обосновывая гипотетическую позицию по отношению к соответствующим нормам и линиям поведения, когда их претензия на значимость ставится под сомнение... Позиция беспристрастности преодолевает субъективность собственных перспектив участников процесса, но при этом не теряется возможность присоединиться к ранее сформулированной установке всех причастных к дискурсу». Иными словами, для того, чтобы добиться беспристрастной оценки, необходимо обеспечить участие в честном диалоге и обсуждении всех заинтересованных сторон.

Справедливость достигается как результат «идеально» организованной рациональной коммуникации. Она имеет сугубо

процедурный характер и не наделяется никаким предваряющим обсуждение теоретическим содержанием. То понимание, которое достигается в результате обсуждения, и будет признано справедливым. Поэтому, если говорить о некоторых конкретных принципах справедливости в коммуникативной этике, то они сводятся к принципам честного ведения рациональной дискуссии (идеальной коммуникации). А.Н. Ермоленко так суммирует условия идеальной коммуникации по Ю. Хабермасу: «1. Каждый способный к речи и деятельности субъект может участвовать в дискурсе; 2. а) Каждый может проблематизировать любое утверждение, б) каждый может выступать в дискурсе с любым утверждением, в) каждый может выражать свои взгляды, желания, потребности; 3. Никто из участвующих в дискуссии не должен испытывать препятствий (как внутренних, так и внешних) в виде принуждений, исходящих из отношения господства, дабы использовать свои установленные в первом и во втором пунктах права».

Публичное обсуждение и совместная выработка принципов справедливой политической деятельности, распределения дефицитных ресурсов и воздаяния за добродетели и преступления является одной из самых характерных черт современного демократического общества. Апель и Хабермас предлагают как бы теоретическую идеализацию этой практики. Их исходной предпосылкой является существование плюралистического общества, в котором люди придерживаются разных взглядов и разделяют различные ценности. Ни одна из ценностных ориентации или теоретических позиций не имеет права выступать в качестве единственно верной и доминирующей. Коммуникативная этика отказывается от теоретической разработки понятия справедливости, предваряющего обсуждение, т.е. остается пустой. Благодаря этому, разные интересы и ценностные ориентации получают равные (справедливые) условия для одобрения в процессе честного рационального обсуждения.

Слабой стороной этики Хабермаса является переоценка им значения логической аргументации в реальной человеческой жизни. Он полагает, что все люди обладают некоторой универсальной рациональностью, поэтому разрешение конфликтов между ними возможно на основе предложения решающего дело логического аргумента. Логика как бы вынуждает к согласию, преодолению ограниченности частных интересов. Меритократический (от лат.

«meritus» – «заслуженный», «достойный») подход к справедливости представлен в концепциях Д. Белла («Культурные противоречия капитализма», 1976) и др. Основное требование подобных концепций состоит в максимальном стимулировании лучшего. Суть справедливости выражается принципом: «Каждому в зависимости от его вклада и в соответствии с полномочиями и привилегиями, присущими сфере его деятельности». Распределение по заслугам не может быть ограничено требованиями равенства, ибо такое ограничение несправедливо. В этом, по мнению сторонников этой позиции, главный недостаток теории Дж. Ролза. По Д. Беллу, неравенство различных социальных и профессиональных групп неустранимо. Социальные дистанции не могут быть искусственно уменьшены. Заботиться о равенстве можно только внутри группы или сословия, да и здесь речь должна идти об устранении лишь «нерелевантных», как выражается Белл, различий, а именно, тех, которые не обусловлены размерами вклада в благосостояние общества. В постиндустриальном обществе должна существовать своя элита, которой принадлежат ключевые позиции в экономике, политике, культуре. Труд представителей элиты должен быть самым оплачиваемым. Изменению подлежат только критерии отбора. Основаниями для получения привилегированных позиций должны стать образование, высокая квалификация и положительные моральные качества.

Итак, справедливым сегодня признается равенство в распределении прав и обязанностей, доступность справедливости всем людям, но также справедливым считается конструктивное неравенство – в распределении благ. Идея справедливости как нравственный принцип имеет цель установить предел индивидуальному произволу. Нравственное содержание справедливости носит отрицательный характер – это противодействие эгоистическим мотивам и недопущение причинения вреда и страдания другому человеку. Справедливость требует уважать права другого человека и не посягать на чужую личность и собственность.

Таким образом, мы можем выделить следующие *критерии*, в соответствии с которыми вырабатываются представления о справедливости:

- уравнивание, направленное на сохранение целого (одинаковый обмен моральными качествами);
- оценка индивидуального вклада каждого в увеличение

общественного богатства (в укрепление могущества целого) – общественно санкционированное поощрение;

- защита индивидуальности – гарантии основных прав человека;
- условия для утверждения индивидуальности – возможности для самореализации, предоставляемые обществом, включая право на образование, обеспечение стартовых условий для удовлетворения собственного интереса;
- допустимая степень выражения собственного интереса;
- интеграция в мировое сообщество (связано с гарантией права на свободу передвижения, выбора места жительства, условиями для развития культурной жизни). Если запросы идеала намного обгоняют действительность, возникает желание построить общество, изолирующее себя от других обществ. Так возникает утопическая и несправедливая по отношению к человеку практика самоизоляции, связанная с ограничением доступа к информации, созданием препятствий для контактов с гражданами других государств, запрещением поездок за рубеж и т.д.

Тема 2.3. Социальная ответственность

Нравственные нормы, которые существуют в данном обществе, не зависят от воли и желания каждого отдельного его члена. Человек вступает в жизнь, находя эти нормы уже готовыми. С того момента, когда у него появляется способность к самостоятельным действиям, он обнаруживает границы, которые ему нельзя преступать. Долг – это особый моральный мотив, который состоит в готовности совершать действия на основе идентификации с идеальным порядком. В механизме долга самым непосредственным образом выражается принудительный, ограничивающий характер морали. Соотнесенность между «я должен» и «я могу» указывает нам на то, что понятие долга тесно связано со свободой человеческой воли. Связующим звеном между двумя этими способностями выступает ответственность. Ответственностью является возлагаемое на кого-либо или взятое кем-то обязательство давать себе отчет в своих действиях и принимать на себя вину за их последствия. Ответственность представляет собой систему, состоящую из трех элементов: 1) субъекта – лица, несущего ответственность; 2) объекта – того, за что он отвечает; 3) инстанции – лица или учреждения, перед которым держат ответ. Субъектами ответственности могут быть люди или общественные организации,

объектом являются их обязанности, инстанция представляет собой социальную систему, по крайней мере, на один порядок более высокую, чем субъект ответственности. Субъект может нести ответственность и перед самим собой: перед той частью своего «Я», которая является самой интегральной.

Взаимоотношения между этими элементами, по Р. Ингардену, проявляются в четырех основных формах: 1) субъект несет ответственность за что-либо, иными словами, за что-либо отвечает; 2) он принимает или берет на себя ответственность за что-либо; 3) субъект привлекается к ответственности; 4) он действует ответственно. В первой форме инстанция возложила на субъект определенные обязанности, хотя он, возможно, и не взял их на себя, не чувствует их груза, что предполагается второй формой. Третья форма представляет собой реальные или идеальные санкции, применяемые инстанцией по отношению к субъекту. Четвертая характеризует отношение субъекта к своим обязанностям, его способность действовать со всей серьезностью.

Нормальное функционирование морали требует согласованности этих форм, в реальности же они могут противоречить друг другу. Первая роль в ответственном отношении принадлежит инстанции. Именно она устанавливает круг обязанностей субъекта (или просто приказывает ему) и контролирует их исполнение. От правильного установления круга обязанностей существенно зависит нормальное функционирование системы в целом. Важнейшим условием правильности обязательности выступает соответствие между обязанностями, с одной стороны, и физическими возможностями, а также правами субъекта, с другой. Нельзя возложить на субъекта ответственность за то, что превышает его силы, и требовать от него действия на той территории, которая является для него запретной. Бессмысленно обязывать те действия, которые субъект совершил бы и без внешних указаний, под давлением своих естественных влечений. Возложение ответственности является творческим актом. Представленные в субъекте способности оно соединяет, таким образом, каким они сами без внешнего воздействия соединиться не могут, разве что случайно, хаотично и кратковременно. Вместе с возложением ответственности человеку предоставляется свобода. Эту тайну нравственной свободы впервые раскрыл И. Кант в своей этике долга. Ответственность за отрицательные действия принято называть виной, за положительные – заслугой. «Быть виновным за какое-либо

действие» в самом общем смысле значит «быть причиной этого действия». В праве ответственность в основном трактуется как вина; в морали важна и заслуга.

Дееспособность – это способность субъекта нести ответственность за свои действия. Она определяется интеллектуальным и волевым критерием. Интеллектуальный критерий устанавливает способность давать отчет в своих действиях, понимать их объективное значение. Волевым критерием является способность руководить своими действиями, держать их под контролем. Отличия между этими двумя критериями обусловлены тем, что субъект может отчетливо понимать значение совершаемого действия, но по каким-либо психическим причинам (усталости, болезни и т.п.) утрачивает контроль над определенными его фазами. Уровень ответственности субъекта зависит от степени его активности и самостоятельности. По этим критериям определяется различная степень вины и различные способы привлечения к ответственности.

Наиболее отчетливыми являются следующие уровни, выделяемые в психологии: 1) ассоциативная ответственность – за действия, совершаемые не самим субъектом, а другими лицами, определенным образом связанными с ним (речь идет, как правило, о связях между начальником и подчиненными, родителями и детьми); особо заметную роль такая ответственность играет в иерархически жестко организованных обществах, например, в Древнем Китае, где за определенные преступления казнили не только виновника, но и его ближайших родственников: отца и мать, жену, братьев, детей; 2) причинная ответственность – за действия, которые субъект совершил сам, но без осознания их последствий; например, в состоянии сильнейшего аффекта или полного отсутствия информации; степень ответственности здесь существенно зависит от того, мог ли индивид в принципе предвидеть негативные последствия, или они объективно оказались непредсказуемыми (в первом случае уровень ответственности будет несколько выше); 3) предвидимая ответственность – за собственные действия, возможные последствия которых субъект осознавал, но не ставил своей прямой целью; к этому уровню, например, в уголовном праве относятся так называемые «преступления по неосторожности»: дорожно-транспортные аварии и т.п.; 4) намеренная ответственность – за действия, негативные последствия которых были прямой целью субъекта, совпадали с его намерением; к таковым принадлежит

большинство преступлений и административных правонарушений.

Принятие ответственности, а вслед за ним и ответственное действие включает в себя проведение отчетливой границы между собственным участием в совершении действия и ролью внешних, объективных факторов. В зависимости от того, какая тенденция преобладает в установлении названной границы, психология разделяет людей на два основных типа: лиц с экстернальным (внешним) и интернальным (внутренним) локусом контроля. Под локусом контроля имеется в виду место, где расположен источник управления жизнедеятельностью: в самом субъекте или во внешней среде.

Так называемые «экстерналы» имеют устойчивую, характерологическую склонность перекладывать негативную ответственность на внешние факторы: на других людей или на объективные обстоятельства. Собственные жизненные неудачи они объясняют кознями недругов и недоброжелателей, а в тех случаях, если совершенно нет «подходящей кандидатуры» на такое перекладывание ответственности, ссылаются на судьбу или случай, на «плохую погоду» и даже неблагоприятное расположение планет. Древний обычай находить «козла отпущения», чтобы взвалить на него все бедствия и грехи, является следствием именно такой склонности. Феномен «перекладывания ответственности» способствует формированию фаталистической жизненной позиции и соответствующего мировоззрения. Фатализм (от лат. «*fatum*» – «судьба», «рок») коренится в стремлении снять с себя или уменьшить негативную ответственность. Это стремление порождается необходимостью оправдания перед другими и самим собой.

Смягчение карательных общественных санкций издавна обеспечивалось публичной процедурой символического отстранения от активного соучастия в ситуации. Ссылаясь на высшие, более могущественные силы, которые определили исход его действия, субъект отводил от себя предъявленные ему обвинения. Сверхчеловеческие существа представляют собой более удобный объект для перенесения ответственности, поскольку они, как правило, безответны. Попытка переложить вину на других людей редко вызывает другое чувство, кроме ненависти. Потребность в самооправдании оказалась настолько сильной, что все логические несуразицы, вытекающие из фаталистической установки, не смогли и не могут, и по сей день, поставить ее под сомнение. Многие люди

продолжают верить в непреложность судьбы не потому, что они находят подтверждающие факторы (подтверждений обычно бывает столько же, сколько и опровержений), но потому, что эта вера притупляет сознание собственной виновности.

Лица с противоположным локусом контроля, условно называемые «интерналами», более склонны принимать вину на себя, подчас даже чужую. В жизни они больше полагаются на собственные силы и не испытывают потребности в могущественных покровителях, с одной стороны, и «козлах отпущения» – с другой. Правда, в крайних формах такой ориентации возникает феномен волюнтаризма. В этом случае граница между тем, что «в нашей власти», и тем, что «вне нашей власти», сдвигается далеко на территорию внешних определяющих факторов. Главным пороком волюнтаризма является самонадеянность. Вера в то, что жизни можно придавать любые желаемые формы, не считаясь с ее собственными закономерностями, коренится в древней магической практике и проистекает из стремления зависеть свою позитивную ответственность, т.е. заслугу. Магия, к которой обычно прибегали в ситуациях с заранее непредсказуемым исходом, была основана на убеждении, что сверхъестественные силы можно поставить под свой контроль совершением определенных действий или произнесением определенных слов («заклинаний»). Сознание власти над этими силами позволяло надеяться на благоприятный исход практически всех начинаний. Чем больше лиц участвует в каком-либо деле, тем слабее каждый из них чувствует собственную ответственность, и наоборот. Ответственность за ситуацию как бы перераспределяется между всеми членами группы и уменьшается для каждого в отдельности. Уровень ответственности прямо пропорционален степени самостоятельности субъекта в выборе способов действия и его осуществлении.

Тема 2.4 Смысл жизни. Счастье

Смысл – это объективная наполненность, содержательный критерий жизни; осмысленность – это субъективное отношение к жизни, осознание ее смысла. Жизнь индивида может иметь смысл, независимо от ее осмысления.

Смысл жизни – это личностная характеристика отношения к жизни, включающая в себя как непосредственное бытие индивида, так и его деятельное включение в социальную жизнь, соотношенное с системой ценностей и детерминированное внутренней личностной

мотивацией поступка.

Смысл жизни может пониматься: с рациональных позиций; с иррациональных религиозных традиций; как сугубо нравственная проблема (И. Кант); проблема реализации содержания некоего мирового духа, абсолютной идеи (Гегель); как психологическое состояние индивида и как деятельное осуществление себя личностью; миром жизненных смыслов могут быть глубины человеческого Я, в том числе и бессознательного (К. Юнг); смысл жизни могут искать в монологах с самим собой (С. Кьеркегор). Смысл жизни неотделим от понимания жизни как ее личностной характеристики.

Один из коренных вопросов, с которыми сталкивается личность в стремлении осознать свое Я – это вопрос о смысле жизни «зачем я живу» Можно видеть смысл жизни в том, чтобы просто жить – есть, спать, работать, растить детей, радоваться всему, что приносит удовольствие и стремиться избегать неприятности. В рассмотрении смысла бытия мы столкнемся с разнообразными подходами. Тогда получается, что смысл жизни сводится к решению текущих жизненных задач. Но бесконечная погоня за удовольствиями и благами угнетает личность, лишают его свободы. Так, подлинное Я подавляется и заменяется «маской», поэтому тот, кто поглощен в суету жизни, утрачивает индивидуальное своеобразие личности. Жизнь перерастает быть для него самоценностью – человек хочет подчинить ее движению к намеченной цели. Ради своей цели человек может даже пожертвовать жизнью, если он готов скорее не жить, чем жить без смысла.

Смысл жизни оказывается для человека стержнем, на котором держится Я и без которого он не может существовать. Всю трудность смысла жизни человек начинает осознавать тогда, когда задумывается о смерти. Чтобы найти смысл жизни, человек должен быть личностью, способной найти смысл жизни. Личность, умеющая наполнить свою жизнь смыслом – это личность, несущая любовь к людям в своем сердце. Такая личность находит смысл жизни в деятельности, которая доставляет радость и ей самой, и другим.

Смысл жизни не преподносится нам готовым, ему нельзя научиться. Этическая теория дает нам лишь ориентацию. Человеку, предстоит не узнать смысл жизни, а обрести его в опыте своего бытия, выстрадать в процессе самоутверждения и сложных нравственных исканий. Обретение подлинного, а не ложного смысла – чрезвычайно сложный процесс, предполагающий заблуждения и

ошибки, искаженное или неполное воплощение замыслов, несовпадение смысла жизни в общечеловеческом аспекте с индивидуальной его интерпретацией. Сложность проблемы состоит в том, что знать что-то о смысле жизни, определить его для себя и прожить свою жизнь со смыслом – далеко не одно и то же. В рассмотрении смысла бытия мы столкнемся с разнообразными подходами. Всю трудность смысла жизни человек начинает осознавать тогда, когда задумывается о смерти (смысл жизни убивается смертью).

Религия о жизни и смерти. Она является одной из главных в любой из существующих религий. Именно религия помогает преодолеть страх смерти, обеспечивая бессмертие на том свете. Но надо прожить жизнь так, как того требует воля Божья, чтобы заслужить блаженство. Таким образом, жизнь приобретает смысл, predeterminedный Богом. Безбожие это источник безнравственности. А вера в бога – нравственная опора для постижения смысла жизни. Удерживая верующих от греха и наставляя их на «праведный путь», связывая смысл жизни со стремлением к добру и борьбой против зла. Высший смысл жизни выносится за рамки: жизнь оказывается лишь средством для достижения потусторонней по отношению к ней цели, лишь временным этапом на пути к загробному миру.

Материалистическое понимание смысла жизни. Не страшится признать трагизм смерти, он не утешает нас никакими надеждами на спасение души в потустороннем мире. Уход человека из жизни невосполнимая утрата. Нельзя устранить трагизм смерти, смириться с ней. Переживания, связанные со смертью – столь же необходимый элемент нашей жизни, как и многое другое. Но мы не должны доводить себя до отрицания ценностей жизни. Каждый должен самостоятельно искать смысл своей жизни и никому другому его поручить нельзя. Смысл нельзя дать – его нужно найти. Таким образом, к определению смысла жизни существуют различные подходы:

Гедонизм: жить – значит наслаждаться; **эвдемонизм:** жизнь – стремление к счастью как подлинному назначению человека; **аскетизм:** жизнь – это отречение от мира, умерщвление плоти ради искупления грехов; **этика долга:** жизнь – это самопожертвование, альтруизм во имя служения идеалу; **утилитаризм:** жить значит извлекать пользу; **прагматизм:** цель жизни оправдывает любые

средства ее достижения.

Смысл жизни:

– Индивидуален; субъективен. Он создается человеком благодаря его собственным усилиям. Жизнь должна иметь смысл в себе, а не за своими пределами. Индивидуальная жизнь получает смысл как частица совместной общей жизни людей.

– Человек, живущий только для себя, теряет смысл жизни потому, что отрывает свою индивидуальную жизнь от общей жизни. Для него смерть представляется жестоким и бессмысленным концом всего. Если же человек живет не только ради себя, но и для других, т.е. служит не только собственному благополучию, но и благополучию других людей, то смерть не способна уничтожить смысл его жизни. Этот смысл воплощается в том, что он сделал для сохранения и улучшения общей жизни людей.

– Чтобы найти смысл жизни человек должен быть личностью, способной найти смысл жизни. Личность умеющая наполнить свою жизнь смыслом – это личность, несущая любовь к людям в своем сердце. Такая личность находит смысл жизни в деятельности, которая доставляет радость и ей самой, и другим.

Иными словами, *смысл жизни человека* – в самореализации личности, в потребности человека творить, отдавать, делиться с другими, жертвовать собой ради других. Конечность человеческого бытия – естественный закон природы. Боязнь смерти приближает смерть. Эпикур призывал не бояться смерти: если человек живет, то смерти нет, если смерть наступила, то его уже нет. А Спиноза советовал лучше думать о жизни, чем о смерти.

С категорией «смысл жизни» тесно связано понятие «счастье». Если смысл жизни – это как бы объективная оценка значимости существования человека, то счастье – это сопровождающееся чувством глубокой моральной удовлетворенности личностное переживание полноты своего бытия, результатов своей жизнедеятельности. Вопрос об этической категории «счастье» принадлежит к коренным вопросам человеческого существования. Ибо каждый стремится стать счастливым и, естественно, данная проблема начала исследоваться давно. Она составляет одну из самых постоянных и, в то же время, динамичных установок морального сознания. И попытки решить данный вопрос сопровождают всю историю человечества. В этической науке проблема счастья всегда

занимала очень большое место. Исследованию этой проблемы уделяли много внимания мыслители прошлого и современности. Трактатов о счастье, действительно, много. В истории философии можно выделить пять *основных концепций понимания счастья*:

1) счастье как наслаждение, сильная положительная эмоция (*гедонизм*);

2) счастье как преобладание положительных эмоциональных состояний над отрицательными, как разумные наслаждения (*эвдемонизм*);

3) счастье как спокойное состояние духа, граничащее с безразличием (*атараксия*);

4) счастье как обладание благом;

5) счастье как общая позитивная оценка жизнедеятельности.

К этому можно добавить еще шестое, обыденное представление – счастье как удача, счастливый случай. Это обыденное понимание, однако, также получает определенное философское осмысление. Например, Аристотель полагал, что для счастья нужна и добродетель и удача, ведь мы живем в несовершенном, становящемся мире, где не все зависит только от добродетели.

Концепции, связанные с пониманием счастья как напряжения эмоций, В. Татаркевич называет психологическими, а концепции, в которых счастье понимается в смысле обладания благом – онтологическими¹. Но большинство из них посвящено не проблеме счастья, а способам его достижения. В практическом отношении это самый важный аспект, но в теоретическом плане он является только одним из многих аспектов проблемы счастья. Такой интерес понятен и объясним: ведь этика – это практическая философия, она не может абстрагироваться от реальных стремлений, тревог и нужд человека.

Несмотря на то, что проблема счастья исследуется давно, каждый раз находят новые ракурсы ее познания. С исследуемой проблемой счастья тесно связан вопрос о смысле жизни. Меняется ли он в течение жизни или остается неизменным? Может ли счастье быть смыслом жизни или только средством для осуществления последнего? Поэтому счастье всегда связано с ощущением необыкновенного подъема духовных и физических сил, стремлением к переживанию всей многомерности бытия, а состояние счастья прямо противоположно состоянию пассивности, равнодушия, инертности. Правда, если понимать счастье лишь как чувство

¹ Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. – М., 1981.

удовлетворения, то придется признать равноценность любых переживаний удовлетворенности, а значит, и счастья: и в случае совершения добра, и в случае совершения зла. Поэтому существует множество «моделей» счастья – общепризнанных и личных, в рамках которых счастье соотносится с благом – с обладанием им или созиданием его. Однако и здесь «возможны варианты». В гуманистической этике существует мнение: для того чтобы человек был счастлив, он должен не иметь, а быть (Э. Фромм) – быть нравственно автономной, самодостаточной личностью, отличающейся определенными моральными качествами. Поэтому счастье – это осуществление внутренней свободы, процесс реализации глубочайшего личного «хотения».

Некоторые особенности и «законы» счастья

- Счастье можно обрести только в процессе самоосуществления, самореализации личности. Оно невозможно при пассивном образе жизни.
- Счастье не есть непрерывное состояние радости. В нем нельзя пребывать, как в некоей «зоне непрекращающихся удовольствий». Это миг, «звездный час» человека, наиболее яркие моменты его жизни.
- Предчувствие, предвкушение счастья, его ожидание часто значительнее, острее и ярче, чем его осуществление.
- Счастье существует только во взаимном общении, во взаимодействии людей. Им нельзя владеть, обособившись ото всех. Для счастья всегда нужны другие: только тогда, когда другие приобщены к «моему» счастью, а я к счастью других – только тогда счастье сохраняет свою полноценность, наполненность.
- Счастье не может быть абсолютным. Оно – не полное отсутствие несчастий, но способность преодолевать невзгоды и неудачи.
- Счастье временно, преходяще. Когда мы счастливы, мы всегда испытываем неосознанный страх: страх потерять счастье, страх, что оно пройдет, кончится. Это, с одной стороны, омрачает счастье, придает ему привкус горечи, а с другой – ориентирует нас на бережное отношение к счастью.
- Счастье не есть безмятежность и спокойствие, оно всегда сопряжено с борьбой – преодолением тех или иных обстоятельств. Переживание полноты бытия, достижение глубокого внутреннего удовлетворения невозможно без преодоления собственной, наконец, без преодоления «самого себя».

– Счастье может базироваться не только на высоких моральных ценностях, в его основе могут лежать и антиценности, ради которых человек иногда сознательно идет на саморазрушение личности, будучи не в состоянии отказаться от мгновения, пусть призрачного, но счастья.

– Мера счастья зависит от степени нравственности индивида: удовольствие в жизни может испытать каждый, счастье – только по-настоящему нравственный человек.

Таким образом, счастье не в богатстве, почете, не в других людях, а в каждом из нас. Обращаясь к себе, человек осознает это. Счастье зависит от нас. Единственное благо – это жизнь в любви. А осуществить это – под силу каждому. Таким образом, счастье – самое нужное для человека, оказывается легче всего достижимым, так как оно – в сердце, в котором царит любовь.

Счастье не дается отдельной стране, времени и т.д. Оно дано всем, кто ведет добрую жизнь, а это во власти каждого. Отнять счастье никто не может. Человек сам может потерять его, если будет желать то, что вне его власти. То есть несчастным человек делает себя сам, также как и счастливым – когда желает того, что может иметь. Несчастный человек может изменить свое положение. Есть два способа:

- улучшить условия своей жизни (что не всегда помогает);
- улучшить душевное состояние (это всегда в нашей власти, достигается через воцарение любви в наших сердцах).

Нельзя быть недовольным жизнью – это есть благо, данное нам. А все живое хочет и может быть счастливым, ведь это зависит только от нас самих. Любить (а это, значит исполнять закон Бога) «возможно во всяком положении», в богатстве или бедности, в высоком или низком ранге и т.д. Причем счастье – это исполнение не своей воли, но воли Бога, только когда человек забывает про свою волю и подчиняет ее высшей – только тогда находит благо. А воля Бога свершится в любом случае.

Как бы плохо ни было человеку, стоит ему только понять и принять жизнь и ее благо в соединении с душами других людей и Бога, сразу исчезнет зло (которое является лишь кажущимся); как только мы начнем осознавать свою жизнь как соединение любовью со всем живым и с Богом, так станем счастливыми.

Вопросы и задания

1. Существует ли абсолютное добро? А абсолютное зло? Что означает выражение «Из двух зол выбирать меньшее»? Что значит меньшее или большее добро? Раскройте сущность и содержание основных характеристик добра и зла.

2. В чём суть этики непротивления злу насилием? Способны ли вы подставить левую щеку, если вас ударили по правой? В чём нравственный смысл такого поступка?

3. В чём заключается смысл борьбы добра со злом? Как вы относитесь к мысли о том, что «добро должно быть с кулаками»? Можно ли бороться со злом при помощи зла?

4. Герой романа П. Уоррена «Вся королевская рать» говорит: «Ты должен сделать добро из зла, потому что сделать его больше не из чего». Какие свойства добра и зла обыгрываются автором в этой фразе?

5. Пользуясь древнекитайскими символами «Ян» и «Инь», проясните диалектику взаимосвязи и борьбы добра и зла.

6. Студентка И.Б. утверждает, что преимущество добра или зла обеспечивается за счет расширения, разбухания «зародышей» добра в зле и зла в добре, которые тем самым поглощают своих антагонистов. Студент К.У. считает, что победа одного над другим происходит за счет увеличения «количества» одного, перемещения в результате этого диафрагмы и вытеснения тем самым другого. А как думаете вы?

7. Как вы объясните такое понимание диалектики добра и зла Ф. Ницше: «Те, кто до сих пор больше всего любили человека, всегда причиняли ему наисильнейшую боль; подобно всем любящим, они требовали от него невозможного»?

8. Противопоставьте рассуждению Никколо Макиавелли аргументы «этики ненасилия»:

«Итак, князь не должен бояться, что его ославят безжалостным, если ему надо удержать своих подданных в единстве и верности. Ведь, показав в крайности несколько устрашающих примеров, он будет милосерднее тех, кто по своей чрезмерной снисходительности допускает развиваться беспорядкам, вызывающим убийства и грабежи; это обычно потрясает целую общину, а кары, налагаемые князем,

падают на отдельного человека»¹.

9. Всегда ли долг положительно сказывается на выборе человека? Есть ли такие ситуации, в которых нужно или можно «обойти» долг стороной?

10. Как вы считаете, есть ли такие люди, которые всегда следуют долгу?

11. В.Г. Белинский писал: «Совесть никогда не бывает во вражде с убеждением, будет ли оно истинным или ложным». Прав ли он?

12. Попробуйте проанализировать события повести С. Лема и фильма А. Тарковского «Солярис» с точки зрения нравственных категорий. Каких? Как они действуют?

13. Что, на ваш взгляд, явилось для Раскольникова подлинным наказанием за совершенное им преступление?

14. Каково соотношение долга и совести? В каких ситуациях возникают конфликты между ними? В чём противоречивость самого долга?

15. Студент А.Т. интересуется: совесть – это то, что не допускает, или то, что позволяет? Может ли наша совесть: а) не позволить позволительное; б) позволить непозволительное?

16. Студент А.Х. поставил перед аудиторией вопрос: «Долг солдата, присягнувшего на верность Родине, – выполнять приказ командира. Как быть со своей совестью, если этот приказ заставляет его стрелять в мирных жителей?»

17. «Не бывает людей без совести, – считает студентка Е.В. – Если человек действует не по совести, то он либо сознательно идет на это, либо психически болен». Согласны ли Вы с ней?

18. «Откуда берётся совесть? Она воспитывается у ребенка родителями или заложена природой?» – интересуется студентка А.Т. Как бы Вы ответили ей?

19. Как Вы считаете, имеет ли под собой реальную основу высказывание «Совесть есть порождение страха»?

20. В чём, на Ваш взгляд, заключается «сыновний долг»?

¹ Макиавелли Н. Государь. – М., 1997. С. 81, 82.

Предполагает ли он необходимость жертвовать ради родителей своими интересами?

21. Что имел в виду Ф. Ницше, говоря: «Моральные люди испытывают самодовольство при угрызениях совести»?

22. Помните знаменитую фразу А. де Сент-Экзюпери из сказки «Маленький принц»: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил»?
Согласны ли Вы с этим? И что значит «приручить» кого-то?
А Вы «приручали»? А Вас «приручали»?

23. Что значит «быть ответственным»? Это означает – быть готовым или быть обязанным давать ответ кому-нибудь и за что-нибудь.

24. Говорят, жизнь человека не прошла бессмысленно, если он построит дом, воспитает сына и посадит дерево. Как можно истолковать это высказывание? Согласны ли вы с ним?

25. Счастье каждый понимает по-своему? Существует ли некоторое обобщенное понятие счастья, справедливое для всех?

26. Считаете ли вы, что «счастье – это когда тебя понимают»? Почему?

27. Как Вы считаете, что дало основание французскому философу Д. Дидро утверждать: «Чтобы быть счастливым, нужно иметь хороший желудок, злое сердце и совсем не иметь совести»?

В чём отличие смысла жизни от цели жизни?

28. Правильно ли выражение «бессмысленная жизнь»?

29. Индийское изречение гласит: «Когда ты явился на свет, ты плакал, а все другие радовались; сделай же так, чтобы, когда ты будешь покидать свет, все плакали, а ты один улыбался». Как это связано со смыслом жизни человека?

30. Какие недостатки и опасности модели счастья как обладания благом вы можете назвать?

31. Действительно ли «человек – кузнец своего счастья»?

32. Поясните высказывание Демокрита: «Счастье и несчастье – в душе».

33. Действительно ли «правда – хорошо, а счастье – лучше»?

34. «Нет ничего печальнее жизни женщин, которые умели только быть красивыми» (Б. Фонтенель).

Переведите это высказывание на язык этики, используя термин «смысл жизни».

35. В истории этики счастье всегда оценивалось двояко. С одной стороны, считалось, что счастье – одно из прирожденных прав человека: «Стремление к счастью прирождено человеку, поэтому оно должно быть основой всякой морали» (Л. Фейербах). С другой – этика рассматривала счастье как вознаграждение за добродетель: «Этика учит... как быть достойным счастья» (И. Кант).

С каким из этих положений вы согласны, и какие моральные качества и добродетели могут, на ваш взгляд привести человека к счастью?

36. Цель жизни и смысл жизни – это одно и то же?

37. О.Уайльд писал: «Ничто так не старит человека, как счастье: наслаждение – это единственное, ради чего нужно жить».

В чём различие наслаждения и счастья?

Почему счастье «старит»?

ГЛАВА 3. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА

Тема 3.1. История становления норм профессиональной этики

Одной из основополагающих сфер жизнедеятельности человека трудовая деятельность. Издавна в трудовой морали выделяется профессиональная этика, которая определяет этические принципы и нормы поведения людей в рамках конкретного вида трудовой деятельности, отражает особенности нравственного сознания, взаимоотношений и поведения людей, обусловленные спецификой профессиональной деятельности¹.

Трудовая деятельность человека является наиболее типичным и всеобъемлющим примером практической деятельности, в связи с чем, можно говорить о феномене профессиональной этики – одной из фундаментальных теоретических основ любой профессиональной деятельности, представляющей собой науку о профессиональной морали как совокупности идеалов и ценностей, идей о должном, этических принципов и норм поведения, отражающих сущность профессии и обеспечивающих взаимоотношения между людьми, складывающиеся в процессе труда и вытекающие из содержания их профессиональной деятельности. Профессиональная этика вместе с тем – это нравственное самосознание профессиональной группы, ее психология и идеология².

Профессиональная этика как совокупность устойчивых норм и правил, которыми должен руководствоваться работник в своей деятельности, возникла в глубокой древности, когда она не могла быть отдельной, обособленной отраслью знания. Так, например, первые этические требования к действиям специалиста можно встретить в древнеегипетском манускрипте «Наставления начальника города и визиря Птаххеттепа», датированном III тыс. до нашей эры³. Однако представители целого ряда профессий, имевших жизненно важное значение для всех членов общества, ранее других осознали необходимость этической регламентации своей деятельности, и поэтому такие профессионально-этические кодексы, как «клятва

¹ Дедюлина М.А., Папченко Е.В. Прикладная этика. Учебное пособие. – Таганрог: Изд-во Технологического института ЮФУ, 2007.

² Федоренко Е.Н. Профессиональная этика. – Киев, 1983. С.44.

³ Белякова Г.И. Профессиональная этика. – М., 1975. С.12.

Гиппократ» и некоторые другие сложились несколько ранее. В основном это профессии, связанные непосредственно с человеком или с условиями его жизнедеятельности, профессии с высокой степенью индивидуализации труда, например, учительская, врачебная деятельность.

Как отмечал Ф. Энгельс¹, каждая профессия имеет свою собственную мораль. Профессия формирует у ее носителей не только профессиональные навыки, но и определенные черты личности и отношение к содержанию своей деятельности. Профессиональная этика лежит в основе всех других аспектов профессиональной деятельности, так как мораль профессиональной группы (профессиональная мораль) является составной частью морали общества, а собственно мораль является одним из самых древних регуляторов поведения и действий, взаимодействия людей, в том числе и в профессиональной сфере. Появление профессиональной этики предшествует созданию научных теорий о ней, поскольку профессиональная этика, возникающая первоначально как явление обыденного сознания, в дальнейшем развивается уже на основе осмысления и обобщения практики представителей профессиональной группы и обобщения систематизируются в виде кодексов (писаных и неписаных), заключающих в себе не только этические требования к содержанию и результатам деятельности, но и к отношениям, возникающим в процессе деятельности, а также выводы, сделанные на основе обобщений.

Таким образом, профессиональная этика – это не только наука о профессиональной морали, но и нравственное самосознание совокупной профессиональной группы, ее идеология и психология. Профессиональная этика, как и этика вообще, не разрабатывается, а вырабатывается постепенно в процессе повседневной совместной деятельности людей. Профессиональная этика систематизирует накопленный в процессе исторической практики опыт, характерный для данного вида деятельности, обобщает его и совершенствует по мере совершенствования данного вида деятельности. Поэтому профессиональная этика может рассматриваться как разновидность общей морали, несущая в себе специфические черты, обусловленные видом и типом деятельности, т.е. является прикладной научной дисциплиной, изучающей профессиональную мораль.

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т.21. С.298–299.

Вместе с тем она может рассматриваться как прикладная теория нравственности, бытующей в профессиональной среде. В практике повседневной деятельности профессиональная этика представляет собой совокупность норм поведения специалистов. Нормы профессиональной этики подвержены изменениям под воздействием как внешних, так и внутренних по отношению к профессии факторов. Они непосредственно, в каждый момент времени, влияют на поведение специалистов, побуждая их действовать определенным образом. Основными задачами профессиональной этики являются воздействие на сознание специалиста с целью совершенствования его как личности и как профессионала и содействие наиболее полному и эффективному решению профессиональных задач.

Итак, под *профессиональной этикой* понимается совокупность норм, принципов, идеалов, а также форм практического поведения и механизмов, способствующих их передаче (ритуалы, обычаи, обряды, традиции и т.п.). Термин «этика» здесь употребляется в смысле «мораль», скорее всего, такое словоупотребление связано со спецификой формирования профессиональной морали и тем, что с ранних этапов её становления многие нормы фиксировались в письменной форме, вводились в право, поддерживались благодаря различным профессиональным предписаниям.

Становление норм профессиональной этики относится к периоду раннего рабовладельческого общества, когда стали оформляться первые относительно массовые профессии. В ранних письменных источниках есть свидетельства того, что уже более 4000 лет тому назад люди осознали необходимость определённых нравственных запретов в ряде профессий, и то, что сами профессии, вернее принадлежность к ним, могут формировать у людей ряд как положительных, так и отрицательных нравственных качеств. Однако прошло длительное время, пока в рабовладельческом обществе Древней Греции начали складываться первые прообразы будущих профессиональных моральных кодексов. Едва ли не первая клятва на верность профессии появилась в среде людей, призванных служить человеку. В обещании-клятве, которую давали в Древней Греции врачи, оканчивающие так называемую школу асклепиадов, говорилось: «Образ жизни больных я буду по мере моих сил и разумения устраивать к их пользе, и буду предохранять их от всякого вреда и порока... Чтобы ни случилось видеть и слышать при моей врачебной деятельности... о том я буду хранить молчание, и считать

тайной то, что не подлежит оглашению». Положения, выработанные школой асклепиадов, перекликались с идеями знаменитой клятвы Гиппократова, не потерявшей своего значения до наших дней.

Профессиональная мораль первоначально складывается в среде профессий, представители которых непосредственно при выполнении своего профессионального долга контактировали с людьми: врачи, учителя, воспитатели, политики, писцы, жрецы, служители при храмах и т.п. В этих контактах они могли оказывать воздействие на физическое и моральное состояние людей, причинить им вред, дестабилизировать общественную обстановку. Количество норм в первых профессиональных кодексах было невелико. Они затрагивали наиболее общие аспекты профессиональной деятельности, многие из них носили описательный характер и не достигали степени всеобщей абстракции, как это имело место в более поздние периоды оформления профессиональных моральных норм.

Второй этап в развитии профессиональной морали наступает в эпоху позднего средневековья, к этому послужило несколько причин. Прежде всего, укрепление государственности и складывание норм абсолютистской власти, что предопределило становление и укрепление таких социальных институтов как армия, церковь, государственная служба. Во-вторых, бурный рост городов в средневековой Европе, который породил к жизни обособление профессий, обслуживающих население и поставил людей в зависимость от труда друг друга. Новый этап в развитии профессиональной морали ознаменовался формированием нескольких тенденций: значительно расширился круг профессий, в отношении которых формировались нравственные требования, в основном за счёт профессий, которые контактировали с населением не напрямую, а через результат своего труда. Яркими свидетельствами данного процесса являются кодексы ремесленных цехов (уставы), которые включали в себя требования к выполнению определённых нравственных обязательств.

Нормы внутри профессиональных нравственных кодексов стали делиться на две ярко выраженные группы: нормы и принципы, определяющие общение и отношения внутри профессии и нормы, определяющие отношения представителей профессии с остальным населением. Данное деление было вызвано тем, что к этому моменту люди оценили то, насколько оценка и признание их труда зависит от особенностей труда, поведения и отношения к профессии их коллег

по ремеслу. Это связано с тем, что в Западной Европе в это время бурно развивались города, торговля, поэтому люди, покупая товар, меньше всего думали о личности изготовившего этот товар. Прежде всего новые моральные нормы были обращены на обеспечение должного качества труда и производимых изделий всеми членами профессионального братства, затем ряд норм определял специфику общения между людьми одной профессии, для создания благоприятной обстановки в труде и в реализации результатов своего труда всеми членами профессионального сообщества. Ремесленники одной профессии жили на одних улицах (например, улица гончаров, сапожников, и т.д.), и им было строго запрещено завлекать разными способами того клиента, с которым уже договаривается их коллега. Также на витрине можно было выставлять только свою продукцию, без приукрашивания её различными способами и без других, отвлекающих внимание вещей.

Впоследствии эти моральные требования, складывающиеся внутри профессий, составят с одной стороны основы служебной этики, а с другой лягут в основание формировавшейся корпоративной этики со всеми её положительными и негативными чертами. Стали складываться моральные нормы, а впоследствии и кодексы таких социальных институтов, как армия, церковь, медицина и др. Эти нормы объединяли едиными нравственными требованиями людей, чья деятельность уже не могла определяться только как профессия. Например, в армии есть пехотинцы, артиллеристы, кавалеристы и другие воинские профессии; в медицине – врачи, сиделки, медсёстры и пр. По мере укрепления государств значимость социальных институтов в жизни общества возрастала, усиливалось их влияние на общественные отношения, причём зачастую господствующая в этих социальных системах мораль воздействовала не только на отношения внутри государств, но и на международные отношения, представляя и характеризуя свои страны в глазах других народов. Примером могут служить нравственные основы деятельности армии или государственного аппарата.

Третий период в развитии профессиональной этики наступает в XX веке, вернее в его второй половине. Он отражает реалии современной цивилизации: высочайший уровень развития науки, формирование единой мировой системы хозяйства и мировых систем коммуникаций, высочайший уровень кооперации в процессе производства, всё возрастающий уровень техногенной опасности

существованию каждого отдельного человека и Земли в целом. Отличительной особенностью третьего этапа в развитии профессиональной морали являются два одновременно идущих процесса. Во-первых, углубляющаяся дифференциация норм нравственности в зависимости уже не просто от профессии, а по её отдельным специализациям (например, в медицине говорится об этике хирурга, анестезиолога, домашнего врача). Во-вторых, идёт процесс объединения норм профессиональной морали близких по функциям профессий или групп профессий, объединённых работой на конечный результат. Так, многочисленные частные кодексы профессий в сфере оказания лечебных услуг сливаются в кодекс медицины, а многочисленные профессиональные кодексы в сфере научной деятельности образуют единую этику науки.

Происходящая непрерывно дифференциация норм профессиональной морали привела к тому, что практически не осталось профессий, которые не имели бы в рамках своей деятельности специальных нравственных требований. В основе процесса, прежде всего, лежит углубляющаяся кооперация труда во всех сферах человеческой деятельности. Таким образом, все оказываются во всё большей зависимости от результатов труда каждого. Вторым важным фактором, влияющим на дальнейшую дифференциацию норм профессиональной морали, являются происходящее углубление специализации не просто в рамках профессии, а в её отдельных направлениях. Взаимосвязь профессиональной этики и определенного состояния общественного сознания существует и в форме традиции. Различные виды профессиональной этики имеют свои традиции, более или менее давние, что свидетельствует о наличии преемственности основных этических норм, выработанных представителями той или иной профессии на протяжении столетий. Это прежде всего те общечеловеческие моральные нормы в сфере труда, которые человечество сохранило и пронесло через различные общественные формации, хотя нередко и в весьма измененном виде.

Профессиональная этика призвана, с одной стороны, оправдать власть профессионала в сфере его деятельности – без этого он не сможет выполнять свои задачи, с другой – ограничивать полноту власти, которой располагает воспитатель над воспитанником, ученый – над человечеством, политик – над гражданами, врач – над больным, журналист – над получателем информации, менеджер – над

подчиненным, предприниматель – над наемным работником, клиентом, потребителем предоставляемых им товаров и услуг. Тем самым профессиональная этика вносит существенные изменения в конфигурацию властных отношений современного общества и предназначена для уменьшения зависимости одного лица от другого, возникающей ввиду различий их общественных функций и профессиональных статусов, для преодоления влияния патерналистских моделей в отношениях между людьми. Поэтому профессиональная этика открывает своеобразное пространство для власти тех, кто лишен властных функций, создавая феномен «власти безвластных» (Х. Арндт). В наши дни все сильнее проявляется ориентация на профессиональный успех, безотносительный к применяемым для его достижения средствам, угрожаям становится безразличие к последствиям собственной деятельности, тем более, если они носят кумулятивный характер, наблюдается рост известного отчуждения «мира профессионализма» от гуманистических задач профессии. Поэтому апологии профессионализма в современном мире не мешало бы считаться с его критикой и потому быть умеренной. Время от времени общество должно спрашивать себя, хорошо ли работают те подразумеваемые соглашения, которые оно заключило с профессиональными группами. Если это не так, если баланс нарушен не в пользу лучших общественных интересов в данной области, то, может быть, стоит пересмотреть соглашение. Таким образом, профессиональная этика видоизменялась вместе с развитием производства и трудовых отношений. Перечислим ее основные функции: способствование успешному решению задач каждой отдельной профессии; посредничество, сочетание интересов общества и профессиональных групп населения; согласование интересов общества и личности в рамках данной социальной группы; связь и наследование наиболее прогрессивных элементов профессиональных моральных ценностей в нравственных отношениях трудовой сферы общества.

В задачи профессиональной этики входит: расширение диапазона моральной регуляции за счет распространения ее на все новые профессии (к примеру, космонавта); выявление роли профессиональной морали в отношениях людей как в связи с дифференциацией труда, так и по причине объединения в коллективы бывших специалистов-одиночек (новые фирмы, ассоциации, общества с ограниченной ответственностью и др.); определение

«границ морализации» в научной деятельности и степени допустимого воздействия научно-технических достижений на духовно-нравственный мир личности специалиста нестандартной ситуации (принятие единственного верного решения в экстремальных условиях или наедине лишь со своей совестью); корректировка профессиональной морали по отношению к общечеловеческой; модификация моральных нормативов в связи с переходом от обыденной деятельности к профессиональной; усиление роли моральных ценностей в профессиональной и любительской работе представителей творческой интеллигенции и т.д.

Тема 3.2. Виды профессиональной этики

В психологии типологический анализ деятельности дает возможность выделить основные виды профессиональной этики. Каждому роду человеческой деятельности соответствуют определенные виды профессиональной этики. Психологи Н.Н. Обозов и Г.В. Щекин предлагают все профессии условно разделить на 5 групп: профессии типа «человек – природа»: агроном, зоотехник, ветеринар, овощевод, агрохимик и т.п. Общее в этих профессиях – работа не с людьми, а с природным материалом, которым могут быть и животные, и растения, и химические элементы; профессии типа «человек – техника»: механизатор, инженер, оператор, наладчик и т.п.

Людям этих профессий приходится больше работать со всевозможными механизмами; профессии типа «человек – человек»: педагог, врач, юрист, психолог и т.п. Эти профессии напрямую связаны с работой с людьми; профессии типа «человек – знаковая система»: программист, бухгалтер, экономист и т.п. Эти люди могут длительное время заниматься расчетами, вычислениями, составлять таблицы, схемы, программы; профессии типа «человек – художественный образ»: художник-оформитель, дизайнер, хореограф и т.п. В этих профессиях необходимы художественное творчество и мышление, игровое начало.

Перечислим основные особенности профессиональной этики:

1. Высшие моральные ценности сохраняя общечеловеческие характеристики обретают специфические черты. Например, из основополагающих категорий этики особое место занимают долг и ответственность.
2. В профессиональном общении нарушается принцип равноправия.

3. Достаточно много внимания в профессиональной этике уделяется принципу корпоративности.

Выделим основные виды профессиональной этики, которые будут рассмотрены в данном разделе: врачебная этика, педагогическая этика, этика ученого, инженера, психолога. Каждый вид профессиональной этики определяется своеобразием профессии, имеет свои специфические аспекты в реализации норм и принципов морали и в совокупности составляет профессиональный кодекс морали.

Так, во **врачебной этике** все нормы, принципы и оценки ориентированы на здоровье человека, его улучшение и сохранение. В присяге врача в России отмечается, что, получая высокое звание врача и приступая к врачебной деятельности, он торжественно клянется: «все знания и силы посвятить охране и улучшению здоровья человека, лечению и предупреждению заболеваний, добросовестно трудиться там, где этого требуют интересы общества; быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, внимательно и заботливо относиться к больному, хранить врачебную тайну; постоянно совершенствовать свои медицинские познания и врачебное мастерство, способствовать своим трудом развитию медицинской науки и практики; обращаться, если этого требуют интересы больного, за советом к товарищам по профессии и самому никогда не отказывать им в совете и помощи; беречь и развивать благородные традиции отечественной медицины, во всех своих действиях руководствоваться принципами морали, всегда помнить о высоком призвании врача, об ответственности перед народом и государством». Верность этой присяге он клянется пронести через всю свою жизнь.

История медицинской практики России знает немало примеров подлинного подвижничества и нравственной самоотверженности врачей и ученых во имя спасения жизней других людей. Так, например, И.И. Мечников испытывал на себе препарат, содержащий бациллы холеры, а С.И. Боткин сделал себе первую прививку от чумы. Во время военных действий в Чечне многие врачи-добровольцы, в том числе женщины, в тяжелейших условиях самоотверженно выполняли свой служебный долг. Вместе с тем, мы встречаемся с немалым количеством примеров недобросовестного отношения к своим служебным обязанностям, что свидетельствует о нравственной неполноценности этой категории врачей.

Педагогическая этика – относительно самостоятельный раздел

этической науки¹. Он изучает особенности педагогической морали, обосновывает ее принципы, выясняет специфику реализации принципов общей морали в сфере педагогического труда, раскрывает ее функции, специфику содержания этических категорий, Кроме того, педагогическая этика изучает содержание нравственной деятельности педагога в целом, включая нравственные отношения в педагогической среде. Педагогическая этика разрабатывает основы педагогического этикета, представляющего собой совокупность выработанных в педагогической среде специфических правил общения и поведения людей, профессионально занимающихся обучением и воспитанием подрастающего поколения. Процесс формирования личности связан с преодолением сложных противоречий, порождающих многочисленные конфликты, поэтому в ходе этого процесса возникает объективная необходимость регулировать взаимоотношения и участников педагогической деятельности. Так возникают требования педагогической морали, часть которых адресована от имени общества учителю, а часть – от имени учительства обществу, ученическому коллективу и родительской общественности.

Моральные обязанности учителя складывались исторически, и одним из основных являлось требование быть носителем глубоких и всесторонних знаний. Он должен систематически обновлять и пополнять свои знания. Учитель учит до тех пор, пока учится сам. От него требуется знать психологию учащихся, интересоваться их внутренним миром, изучать их индивидуальные способности: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» (К.Д. Ушинский). Поэтому он должен быть великим гуманистом и понимать, что для того, «чтобы стать настоящим воспитателем детей, надо отдать им свое сердце» (В.А. Сухомлинский). Учитель необходимо должен быть принципиальным, требовательным, но справедливым и великодушным, непререкаемым авторитетом для воспитуемых, постоянно помнить, что «действительный авторитет основывается на вашей гражданской деятельности, на вашем гражданском чувстве». А это означает быть патриотом, гражданином своего отечества, бойцом, активным носителем политических и моральных убеждений, так как «воспитание есть выражение политического кредо учителя». Ему необходимо быть

¹ Дедюлина М.А., Папченко Е.В. Прикладная этика. Учебное пособие. – Таганрог: Изд-во Технологического института ЮФУ, 2007. С. 106-107.

коллективистом: «Ни один из учителей не имеет права действовать в одиночку, на свой собственный риск и на свою собственную ответственность. Сила воспитательного процесса именно в согласованности, в планомерности, в единстве действия учителей школы, и нет ничего опаснее индивидуализма в педагогическом коллективе» (А.С. Макаренко)¹. Выработанные и закрепленные в ходе развития общественной мысли нравственные требования к учителю и вытекающие из них нормы составляют основу кодекса педагогической морали. В нем зафиксированы требования, которые носят общечеловеческий характер, а также те, которые порождены новыми задачами, стоящими в настоящее время перед российской школой.

Каждый вид профессиональной деятельности определяется специфическими требованиями в области морали. Так, например, этика ученого предполагает в первую очередь такие моральные качества, как научную добросовестность, личную честность, гражданское мужество, демократичность и др. В рамках профессиональной этики ученого решаются такие вопросы научной деятельности как свобода и условия выбора темы, отношение с коллегами и оппонентами, отказ от быстрого, но неглубокого и сомнительного успеха и др. Судебная этика требует честности, откровенности, гуманизма (даже к подсудимому при его виновности), верности духу и букве закона и др.

Профессиональная этика в условиях воинской службы требует четкого выполнения служебного долга, мужества, дисциплинированности, стойкости, выносливости, преданности Родине и т.д. В настоящее время возрастает значение профессиональной этики в регулировании различных видов трудовой деятельности. Это связано с процессами демократизации общества, а также со стремлением постоянно совершенствовать профессиональные нормы применительно к изменяющимся социально-экономическим отношениям. Однако в целом эти процессы должны быть связаны с гуманизацией общества и труда, ростом свободного саморегулирующего начала в общественной деятельности.

Этика инженерного труда. Одним из важных и массовых видов профессиональной этики является инженерная этика. Как

¹См.: Писаренко В.И., Писаренко И.Я. Педагогическая этика. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск, 1977. С.23–24.

совокупность норм, регулирующих поведение инженера, она начала формироваться давно. К числу ее норм можно отнести такие, как необходимость добросовестно исполнять свою работу; создавать устройства, которые приносили бы людям пользу и не причиняли бы вреда; ответственность за результаты своей профессиональной деятельности; определение формы отношений (обычай и правила, регулирующие отношения) инженера с другими участниками процесса создания и использования техники. Ряд таких норм фиксируется в юридических документах, например, в законах, относящихся к вопросам безопасности, интеллектуальной собственности, авторского права. Некоторые нормы профессиональной деятельности инженеров закреплены в административных установлениях, регулирующих деятельность той или иной организации.

В различного рода моральных кодексах инженеров (американских, немецких, российских) наряду с общеморальными требованиями обычно добавляются характеристики, которым должны соответствовать представители инженерного труда. На их основе профессионально-моральный облик инженера выглядит следующим образом: он – рационалист, обладает набором технических навыков и умений, имеет склонность к изобретательской деятельности, настойчив, скрупулезен, трудолюбив, бдителен, предан своему делу, искренен, опирается в своей деятельности на эксперимент. Инженер не безучастен к судьбе людей, ибо он способствует достижению ими высокого уровня благосостояния. Представители инженерных профессий являются по-настоящему моральными людьми¹.

Инженерный труд в условиях информационно-технологического общества приобрел глобальное применение, а нравственные аспекты его обеспечения получили название техноэтики. Техноэтика – явление сложное с точки зрения субъектов технической деятельности и форм технической практики. Можно видимо говорить об определенных разновидностях техноэтики. Но с позиций общеморальных норм она рассматривается как один из вариантов «прикладной этики», род профессиональной этики и представляет собой нравственный императив технической деятельности, переход от этических максим к этическим нормам, принимаемым обществом.

¹См. подробнее: Ленк Х. Размышления о современной технике. – М., 1996; Митчелл К. Что такое философия техники? – М., 1995; Философия техники: история и современность. – М., 1997.

Примером их может быть специальная декларация о технике и моральной ответственности, подписанная в 1974 г. на международном симпозиуме выдающимися философами, учеными, техниками. В ней отмечалось, что локальные интересы не могут иметь преимущества перед всеобщими требованиями людей, их стремлением к справедливости, счастью и свободе.

Ответственный технический контроль через международные организации – настоятельная потребность для всего мира. Разработка, новации и применение техники должно оцениваться не только с политических, экономических, социальных, экологических, но прежде с моральных позиций. Ни один из аспектов техники не является морально нейтральным. Недопустимо делать человека придатком технических артефактов. Каждая новая техническая новация должна пройти проверку на предмет того, действительно ли она способствует развитию человека как свободной и творческой личности. Участники Международной конференции по инженерному образованию в Москве (1995 г.) в своем обращении констатировали приверженность будущих инженеров к «общечеловеческим ценностям». В техноэтике техническая деятельность рассматривается с позиций исторической поступи человечества. Она имеет свои сильные стороны, в частности, речь идет об исчислении этических максим, их сопоставлении. Здесь техника рассматривается как средство достижения цели. Цель выступает как воображаемое предвосхищение деятельности и мотивируется потребностями человека. Цели всегда субординированы, между ними существуют либо отношения конкуренции, либо нейтральности, либо индифферентности.

Критерии для оценки и выбора целей и техники имеют смысл лишь в их соотношении с системами ценностей. Ценности находят свое выражение в оценках и являются основой того, что нечто ценимо, прославляемо и достигаемо. В системе ценностей техноэтику наиболее непосредственно характеризуют две – функциональная способность (пригодность) и экономичность. Они имеют обслуживающий характер по отношению к другим ценностям техноэтики: благосостоянию и здоровью людей, их безопасности, экологии, развитию личности и общества.

Техноэтика ценностей – это этика действий, поступков. Ее достоинства состоят в том, что она выходит за пределы техники добродетелей и техноэтики долга, не опровергает их, а находится с

ними во взаимодополнительном отношении. Техноэтика ценностей связана также с количественным подсчетом ценностных фактов. Количественное сопоставление предполагает однокачественность сравниваемых вещей, установление их тождественности.

После установления тождественности ценностей им приписывают некоторые количественные значения (вес). Но такая характеристика техники довольно бедна по содержанию. Техника – нечто большее чем просто средство. Она – символ всего того многообразия и богатства, которые характерны для мира человека. Техника – это все человеческое, но в символическом виде. В универсум техники входит символическое бытие и добродетели человека, его ценностные ориентации и нравственные максимы. Мир техники не исчерпывается даже такими тремя великими ценностями, как истина, красота, добро. В осознании этических норм профессиональной деятельности инженеров играет свою роль их объединение в профессиональные организации с целью создания условий для лучшего удовлетворения индивидуальных потребностей и защиты интересов. Обычно этические кодексы инженерных обществ содержат нормы, регулирующие отношения «инженер – общество», «инженер – работодатель», «инженер – клиент», «инженер – другие инженеры».

Так например, «Кодекс этики» национального общества профессиональных инженеров США гласит, что инженер должен всегда осознавать, что его первой обязанностью является защита безопасности, здоровья и благосостояния людей. Этические нормы, регулирующие отношения «инженер – работодатель» и «инженер – клиент», требуют добросовестного выполнения деловых обязательств. Инженер, используя проекты, представленные клиентом, признает, что эти проекты остаются собственностью клиента. Он не должен вредить положению других инженеров, а также подвергать несправедливой критике работу других инженеров. Специфичность правил, фиксируемых подобными этическими кодексами, состоит в том, что они, будучи нормами, соблюдение которых самостоятельно контролируется данным профессиональным сообществом, являются в значительной своей части связанными с юридическими нормами, а также с экономическими и иными интересами.

Данное обстоятельство иногда дает повод сомневаться в этическом характере подобного рода кодексов. Нередко правила,

осознаваемые вначале как этические, впоследствии закрепляются в юридических нормах. Действенность этического кодекса зависит и от того, как он будет приниматься в конкретных ситуациях. Эффективность этических кодексов существенным образом зависит и от заинтересованности инженера быть членом данной профессиональной ассоциации, а также от способности сообщества устанавливать в том или ином конкретном случае сам факт нарушения моральных кодексов. Изменения в технико-технологической деятельности предполагают и соответствующую корректировку этических норм.

Этика психолога – реализация психологом в своей деятельности специфических нравственных требований, норм поведения как во взаимоотношениях с коллегами, научным сообществом, так и с испытуемыми, респондентами, лицами, обращающимися за психологической помощью. Наряду с универсальными этическими принципами и нормами, значимыми для всех категорий ученых (научная честность и корректность при сборе экспериментальных данных; отказ от присвоения чужих идей и результатов исследований, от поспешных выводов на основе непроверенных данных; отстаивание своих научных взглядов в любой научной среде, в полемике с любыми авторитетами в науке и т.д.), ученый-психолог при проведении исследований не должен использовать методы, технику, процедуры, ущемляющие достоинство личности испытуемых, их интересы; ему следует строго соблюдать гарантии конфиденциальности – неразглашения сообщенных респондентами сведений, следует информировать испытуемых о целях проводимого исследования. В том случае, если во избежание сознательного или неосознаваемого искажения даваемых испытуемым сведений требуется скрыть от него научные цели, то о них должно быть сообщено по завершении эксперимента. Если участие в исследовании предполагает вторжение психолога в сферу личных интересов или интимных переживаний, испытуемому должна быть предоставлена безоговорочная возможность при желании отказаться от дальнейшего участия в исследовании на любом этапе его проведения. Давая рекомендации, основанные на полученных результатах, психолог не имеет морального права слагать с себя ответственность за последствия их внедрения в общественную практику.

Психология как профессия управляется принципами, общими

для всех профессиональных этик: уважение к личности, защита человеческих прав, чувство ответственности, честность и искренность по отношению к клиенту, осмотрительность в применении инструментов и процедур, профессиональная компетентность, твердость в достижении цели вмешательства и его научной основы. Психологи не должны принимать участия или способствовать разработке методов, направленных против свободы индивида и его физической или психологической неприкосновенности. Психологи должны уважать религиозные и моральные убеждения своих клиентов и учитывать их при опросе, необходимом при профессиональном вмешательстве. При оказании помощи психологи не должны осуществлять дискриминацию по признаку происхождения, возраста, расовой и социальной принадлежности, пола, вероисповедания, идеологии, национальности или любых других различий. Психологи не должны использовать власть или превосходство по отношению к клиенту, которые дает их профессия, для извлечения прибыли или получения преимуществ, как для себя, так и для третьих лиц. В случае, когда личные интересы клиента вступают в противоречие с интересами учреждения, психолог должен постараться выполнять свои функции с максимальной беспристрастностью. Обращение за помощью в данное учреждение предполагает учет интересов клиента, уважение и внимание к нему со стороны психолога, который в соответствующих обстоятельствах может выступать как его защитник по отношению к администрации учреждения.

Тема 3.3 Корпоративная этика¹

В последнюю четверть XX века произошли важные изменения в экономике промышленно развитых стран, обусловившие сущностную трансформацию корпоративного управления. Долгое время в управленческой идеологии господствовало понимание конкурентоспособности предприятия, связанное исключительно с его экономической эффективностью. Такое понимание было подробно изложено еще А. Смитом в «Богатстве народов», а также в трудах Ф. Тейлора и Г. Форда. Фундаментальной задачей управления они считали развитие каждого работника до максимально доступной ему степени производительности в пределах естественных способностей. Однако эта задача рассматривалась как чисто техническая, решаемая

¹ См. подробнее: Дубинин М.В. Корпоративная этика инструмент социального менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. №4. 2002.

с помощью рационализации трудового процесса, научного поиска наиболее эффективного способа выполнения тех или иных работ. Ключевым элементом зрелых индустриальных экономик стала иерархичная, вертикально интегрированная крупная промышленная корпорация. Приоритетными сферами управления в ее рамках являлись вопросы рационального построения организации, финансы и производственная техника.

Стремительное развитие технологий, многообразие предлагаемых товаров и услуг, сокращение их жизненного цикла, рост числа конкурентов, повышение требований потребителя в значительной мере определяют характер внешней среды предприятия, все более изменчивой и почти непредсказуемой. Однако изменения в структуре и формах современной корпорации продиктованы необходимостью учитывать не только внешние, но и внутренние аспекты деятельности, не только приоритеты потребителей, но и запросы и достоинства работников. Сегодня наблюдается все более активный и явный отход от чисто экономической мотивации человеческой деятельности¹. Трудовые отношения – составная часть культуры корпорации. Ведь предприятие это не только совокупность процессов, набор продуктов и услуг, оно является также человеческим сообществом. Как и все сообщества, оно формирует специфические формы культуры – в данном случае корпоративную культуру, которая может быть определена как совокупность устойчивых для данной организации ценностей, норм, ожиданий, регулирующих поведение ее членов. Длительный период аксиологические составляющие в мотивации трудовой деятельности оценивались как второстепенный ресурс, а воспроизводство культурной среды на предприятии происходило большей частью стихийно, хотя внимание к ней со стороны управленцев и ученых постоянно возрастало. Однако, начиная с 70-х годов XX века, воздействие на культурные элементы жизнедеятельности организаций становится непрерывным и из единичного – массовым, приобретая черты хорошо скоординированной и приоритетной стратегии их руководства по формированию корпоративной этики².

Характер трудовых отношений на предприятии обусловлен

¹ См.: Иноземцев В. Творческие начала современной корпорации // Международная экономика и международные отношения. 1997. №11.

² См.: Агеев А.И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. – М.: Наука, 1991. С.69.

следующими составляющими: институциональной структурой производства (методы организации труда и управления, структура компании); социально-психологическим климатом на предприятии. Все вышеперечисленные элементы взаимосвязаны. Между тем, развитые гуманные производственные структуры могут оказаться неэффективными, если в коллективе отсутствует здоровый социально-психологический климат. Что касается современных форм организации трудового процесса, то значительную роль играют участие наемных работников в управлении и внутрифирменное делегирование прав собственности. Развернувшаяся под флагом «управленческой революции» перестройка корпоративного менеджмента идет по пути децентрализации управления, расширения организаторских прав персонала в компании и повышения его предпринимательской дееспособности. В частности, растущее освоение работниками отдельных элементов предпринимательской деятельности получило отражение в новом научном термине «интрапренерство» или «внутрифирменное предпринимательство», – управленческой практике, связанной с культивированием предпринимательского духа в рамках компании, стимулированием творческой активности работников¹.

Широкое распространение получила автономизация, когда на рабочих и служащих распространяются гибкий график рабочего времени, свобода планирования и алгоритмизации трудовых операций, выбор программ и методов выполнения заданий, что смягчает регламентацию и стандартизацию труда, укрепляет статус работника и развивает его способности к рационализации своего труда и предвидению трудового процесса. В течение многих десятилетий экономия на оплате труда и социальных расходах наемных работников являлась основным инструментом повышения конкурентоспособности предприятий и в то же время – одной из главных причин непримиримости (антагонизма) интересов работодателей и наемных работников. Сегодня изменившиеся объективные условия уже не позволяют предпринимателю экономить на оплате труда. Более того, высокая оплата квалифицированного и инновационного труда основного персонала становится гарантией обеспечения предпринимательского дохода. В последние десятилетия в промышленно развитых странах быстро увеличивалось число

¹ См.: Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство или как завести собственное дело и добиться успеха. – М.: Прогресс-универс, 1991. Вып.5. С.76 – 108.

предприятий с собственностью работников с помощью плана наделения работников акциями.

Корпоративная этика является ключевым элементом, объединяющим людей – участников производственного процесса на предприятии – в единый социальный организм (человеческое сообщество). Под воздействием корпоративной этики деятельность работников организуется не столько на основе приказов или компромиссов, сколько за счет внутренней согласованности ориентиров и стремлений сотрудников. Организация, построенная на единстве мировоззрения и ценностных установок ее членов становится наиболее гармоничной и динамичной формой производственного сообщества. Корпоративная этика выступает как форма общественного сознания, присущая как предпринимателям, так и наемным работникам, которых объединяют общие цели их профессиональной деятельности. В этом понимании она существенно отличается от классовой интерпретации социальных отношений. Не случайно в конце XIX века она была выдвинута католической церковью как способ решения так называемого «рабочего вопроса» и возвращения корпоративной системе европейского средневековья, напомилавшей дружную, крепкую семью¹. Она является результатом осознания профессиональных интересов как со стороны предпринимателей, менеджеров, так и со стороны наемных работников. Это стало возможным в условиях «диффузии» собственности, когда многие наемные работники являются одновременно и акционерами своей компании и напрямую заинтересованы в повышении эффективности производства. В конце XX века в развитых странах идеология корпоративизма стала вновь актуальной в связи с ужесточением конкуренции и необходимостью объединения усилий всех членов корпорации независимо от их статуса в борьбе за выживание и развитие.

Культура и этика корпорации не являются изолированным феноменом. В последнее время объектом пристального внимания стали межстрановые различия в характере трудовых отношений и корпоративной этике. Особенно успешной следует признать японскую практику². В США и европейских странах даже возник особый феномен, прозванный «японизацией менеджмента». И трудно

¹ Предприятие в контексте христианского социального учения // Человек и труд. 1995. №5.

² См. более подробно: Фукуяма Ф. Доверие. – М., 2005.

найти такую развитую западную страну, где бы не пытались внедрить японские «кружки качества». Мода на японский стиль управления не прошла и по сей день. Хотя, например, Ф. Фукуяма, в своей работе, посвященной теме доверия полагает, что в современном экономическом мире невероятна роль культуры. В связи с этим, он подвергает культурному анализу общества с высоким уровнем доверия (Германия), общества с низким уровнем доверия (Италия, Франция, Корея), общества с кризисом доверия (США). Футуролог полагает, что современное экономическое сообщество сможет процветать в условиях «обогащенного доверия». На наш взгляд это возможно в условиях корпоративной культуры и этики. Однако все же стоит остановиться на универсальных и общезначимых чертах корпоративной этики как инструмента управления трудовыми отношениями.

Прежде всего, следует сказать о важной роли руководителей организации. Ее эволюция нашла отражение в следующем факте. Сначала высшие управленческие посты и лидирующее положение в разработке проблем управления занимали инженеры, стремившиеся максимально рационализировать и механизировать производство. На смену им пришли экономисты и финансисты, видевшие главную задачу в получении максимума прибыли за счет правильного использования экономических законов и эффективного управления капиталом. В настоящее время управляющими высшего ранга и разработчиками глобальных проблем социального управления становятся выходцы из структур кадрового менеджмента, ставящие в центр современной концепции управления человека. Современное управление персоналом требует от руководителя новых качеств. Он одновременно должен быть дальновидным стратегом, авторитетным лидером, социальным партнером, смелым новатором, духовным наставником. Очевидно, что именно ценностные представления самого руководителя в основном определяют этические нормы и организационную культуру предприятия.

В зарубежной управленческой практике выработан ряд специальных мероприятий и методов, направленных на формирование здоровой этической основы трудовых отношений¹: **корпоративные кодексы**, представляющие собой свод принципов и правил делового поведения, являются центральным элементом

¹ См.: Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. – М.: Дело, 2000. С.106–107.

корпоративной этики; *«карты этики»* – набор этических правил и рекомендаций, конкретизирующих этический кодекс корпорации для каждого сотрудника компании; *этические комитеты* призваны вырабатывать этическую политику организации, а также решать конкретные этические проблемы, возникающие в ходе повседневной практики; *обучение сотрудников и руководителей этичному поведению* проводится, как правило, на базе семинаров и краткосрочных курсов. Этическая проблематика также активно интегрируется в систему высшего образования. Следует отметить возрастающее значение общенациональных и международных регуляторов деловой этики и трудовых отношений. Международные своды правил ведения бизнеса приняты ООН, Международной торговой палатой и Организацией экономического сотрудничества и развития. Пробраз мировой системы этических стандартов можно увидеть в «Принципах ведения бизнеса» «Круглого стола Ко». Они были приняты в 1994 году в швейцарском городке Ко лидерами бизнеса Японии, Западной Европы и Соединенных Штатов и к сегодняшнему дню завоевали всеобщее признание в международном деловом сообществе. В нем предпринята попытка выработать единый кодекс поведения для бизнесменов двух существенно различающихся систем делового поведения: западной и восточной (азиатской).

Декларация отстаивает следующие принципы отношения компании к своим сотрудникам: «Мы придаем большое значение уважению достоинства всех работников, серьезному отношению к их интересам. Следовательно, мы имеем перед ними следующие обязательства:

- обеспечивать своих работников работой и заработной платой, которые повышают их уровень жизни;
- создавать такие условия труда для работников, которые не наносят ущерб их здоровью и человеческому достоинству;
- быть честными в коммуникациях со своими работниками и обеспечивать им открытый доступ к информации, ограниченной лишь рамками закона и условиями конкуренции;
- прислушиваться и по возможности реагировать на предложения работников, их идеи, требования и жалобы;
- в случае возникновения конфликтов участвовать в открытых переговорах с работниками;
- избегать дискриминационной политики и гарантировать работникам равные права и возможности независимо от пола,

- возраста, расовой принадлежности и религиозных убеждений;
- стимулировать в рамках своего бизнеса использование труда работников с различным профессиональным уровнем на тех рабочих местах, где они могут принести наибольшую пользу;
 - обеспечивать охрану труда работников во избежание несчастных случаев и профессиональных заболеваний;
 - поощрять работников и помогать им в развитии необходимых навыков и знаний, внимательно относиться к серьезным проблемам занятости, часто связанным с принятием решений в бизнесе, а также сотрудничать с правительственными органами, трудовыми объединениями, другими службами и друг с другом по вопросам размещения рабочей силы»¹.

Существенное влияние на формирование корпоративной этики оказывают стандарты, выработанные Международной организацией труда (МОТ) и во многом воспринятые на национальном уровне государственным законодательством. *Сегодня насчитывается около 200 международных конвенций и рекомендаций, которые в качестве международных трудовых норм нацелены на гуманизацию и демократизацию мира труда, социальную защищенность и создание благоприятных условий труда.* В Европе соответствующие основные демократические нормы зафиксированы в виде «Хартии основных социальных прав трудящихся» («Социальная хартия ЕС»). Первые ростки на поле деловой этики в современной России стали пробиваться в 90-х годах. Был принят ряд профессиональных этических кодексов, среди которых следует упомянуть: Кодекс чести банкира (1992), Правила добросовестной деятельности членов профессиональной ассоциации участников фондового рынка (1994), Кодекс чести членов Российской гильдии риэлторов (1994), Кодекс профессиональной этики членов российского общества оценщиков (1994).

Сегодня профессиональные этические кодексы уже приняты или находятся в процессе обсуждения в большинстве сфер предпринимательства. Проблема этики осознана и на уровне всего российского делового сообщества. Переломным здесь можно считать 1995 год, когда Второй Всероссийский конгресс промышленников и предпринимателей принял Хартию бизнеса России. В том же 1995

¹ Этические принципы ведения дел в России / Под общ. ред. С.А. Смирнова. – М.: Финансы и статистика, 1999. С.156.

году Торгово-промышленная палата России объявила развитие деловой культуры предпринимателей одним из приоритетных направлений своей деятельности». На уровне отдельных предприятий все большее распространение получает практика принятия корпоративных кодексов.

Отмечая уверенное поступательное развитие российской корпоративной этики, все же сделаем несколько важных замечаний. Во-первых, большинство существующих корпоративных кодексов, особенно в крупных корпорациях, ориентировано скорее на нужды самой компании. Во-вторых, в формировании корпоративной этики ведущую роль играют ассоциации предпринимателей, в то время как роль профсоюзов трудящихся незначительна, что вряд ли можно признать положительным фактом. На самом же деле развитие корпоративной этики могло бы значительно улучшить положение наемных работников и ограничить управленческий произвол. По нашему мнению, профсоюзы не меньше предпринимателей заинтересованы в формировании корпоративной этики, являющейся действенным средством регуляции трудовых отношений на предприятии. Корпоративные кодексы могут быть различными по форме изложения и рубрикации. Это зависит от специфики конкретных отраслей, регионов, предприятий, предпочтений руководства и т.п.

Однако в содержательном плане в них должен найти отражение ряд ключевых принципов и идей, которые следует рассматривать в качестве регулирующего начала в организации трудовых отношений на предприятии. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Принцип открытости. Цели, задачи и другие аспекты деятельности корпорации должны быть открыты и ясны для сотрудников, которые должны понимать, что и зачем они делают. Только в этом случае возможно формирование эффективной мотивации труда. Этот принцип касается и положений самого этического кодекса, а также других важных корпоративных документов.

Принцип человеческого достоинства. Необходимо помнить, что хозяйственная деятельность, в конечном счете, осуществляется во имя человека, и в трудовом процессе не должно ущемляться его достоинство. Это касается как методов производства, так и практики непосредственных межличностных контактов в организации.

Принцип соучастия. Он касается принятия решений по важным

вопросам, затрагивающим гарантии и условия занятости, благосостояние сотрудников и т.п. Руководству следует избегать односторонних силовых методов, «проталкивания» решений. В противном случае есть риск столкнуться с сопротивлением работников, которое может принимать весьма изощренные формы¹. Кроме того, участие работников в принятии или согласовании решений создает чувство причастности и способствует укреплению идеи «общего дела».

Принцип subsidiarности (дополняемости). Он касается разграничения компетенции между различными уровнями управления и процедурных аспектов внутрифирменной деятельности. Принцип subsidiarности заключается в том, что решение какой-либо проблемы перемещается на другую, более высокую инстанцию только после исчерпания собственных регулирующих возможностей нижестоящего уровня. Это означает невмешательство вышестоящих структур, функционирование не по принципу их всесильности, а по принципу дополнения. Корпоративный кодекс лишь первый, но очень важный шаг на пути формирования этики трудовых отношений на предприятии. Не стоит строить иллюзий, что сам факт его принятия создаст здоровый психологический климат и гармонизирует трудовые отношения. Действительно, сегодня многие корпоративные кодексы так и остаются декларациями и принимаются в определенные моменты: например, перед выходом компании на зарубежные рынки или в процессе привлечения западных инвесторов.

Тема 3.4. Компьютерная этика²

С 60-х – 70-х гг. XX в. понятие **информационное общество** рассматривалось как футурологическая концепция, описывающая «будущее» общество, наделявшая его во многом утопическими чертами – постепенной заменой рутинного труда творческим, ведущей ролью знания, гуманизацией государства. В работах И. Масуды, Э. Тоффлера, Д. Белла информационное общество практически синонимично постиндустриальному обществу. При этом в качестве фактора, определяющего направление общественной трансформации, большое значение придавалось «конвергенции электронно-вычислительной техники с техникой средств связи», т.е. фактически еще не изобретенному в то время Интернету. С массовым

¹ См.: Радаев В.В. Экономическая социология. – М.: Аспект-пресс, 1997. С.171–176.

² Более подробно см: Прикладная этика. – Мн., 2002.

распространением технологий электронной почты, а затем и Интернета прогнозы, носящие несколько отвлеченный, «футурологический» характер, перешли в плоскость предельно практического приложения – на уровень политического и экономического планирования и программирования. Идея справедливого, гуманного и свободного «информационного общества», естественно, дала название многочисленным правительственным программам информатизации и развития социально-экономических приложений Интернет-технологий. Качественный характер изменений, связанных с массовым внедрением новых информационных технологий, их влиянием на социальную структуру общества, по-видимому, действительно позволяет оправдать такое наименование. Государственные органы ведущих стран заняли чрезвычайно активную позицию в деле формирования информационного общества. Сегодня все ведущие страны мира сформулировали свою политику и стратегию его построения и развития.

Так в статье А. Малюк и О.Ю. Полянской¹ выделяются следующие следующие проблемы этики в сфере информационных технологий: «этические аспекты реализации в условиях современного информационного общества права человека на неприкосновенность частной жизни (приватность), этика поведения в Интернете, проблемы интеллектуальной собственности, социальной справедливости в отношении доступности информационно-коммуникационных технологий (информационное неравенство и «цифровой» разрыв. Важное место в упомянутом проблемном поле занимают вопросы профессионального поведения представителей так называемых IT-профессий, этические кодексы, подходы к преподаванию этики для студентов соответствующих специальностей»².

Исторически сложилось шесть этапов развития компьютерной этики. Первый этап связывают с именем Н. Винера, хотя он и не вводит сам термин «компьютерная этика», но в своих трудах достаточно подробно описывает этические проблемы, связанные с бурным развитием информационных технологий. На втором этапе Донн Б. Паркер разрабатывает курс компьютерной этики и первый

¹Малюк А.А., Полянская О.Ю. Этика в сфере информационных технологий. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 2011 4(65).

²Там же.

кодекс профессионального поведения для Ассоциации вычислительной техники (АСМ). На третьем этапе Дж. Вейценбаум публикует работу «Власть компьютера и человеческий разум» (1979), которая внесла несомненный вклад в развитие компьютерной этики. К четвертому периоду относятся такие работы как: статья Дж. Мура «Что такое компьютерная этика?» и первый учебник Д. Джонсон «Компьютерная этика». Пятый этап, 1990-е гг. XX в, появляется монография Д. Джонсон, Х. Ниссенбаум «Компьютеры, этика и социальные ценности». В ней авторы показывают, что вплетение информационных технологий в жизнедеятельность людей достигла такой степени, что компьютерная этика начинает терять свою автономность. В начале XXI века Г. Тавани и Р. Спиннело выпускает серию книг, посвященных научным, профессиональным и учебным проблемам компьютерной этики.

Что действительно нового могут принести информационные технологии? Предварительные исследования по данной проблеме показали, что можно выделить два направления изучения влияния информационных технологий: влияние на личность и влияние на социальные институты, организации, рынки, социальные сети. *Личностный аспект.* Для описания возможностей качественного и количественного воздействия информационных технологий на личность, как правило, используются современные теории «человеческого капитала», рассматриваемого как совокупность производственных возможностей работников и формируемого путем инвестиций (долгосрочных вложений капитала) в человека, его здоровье и, в первую очередь, образование.

Для примера, посмотрим, как информационных технологии в развивают систему образования и воспитания. Можно представить воздействие информационных технологий на рост человеческого капитала в виде следующих приоритетов: рост соотношения цена – качество услуг образования за счет использования технологий дистанционного образования; формирование на базе дистанционного образования системы непрерывного послевузовского образования; повышение эффективности воспитательных элементов образования, способствующих развитию позитивных мотиваций человека. Информационные технологии расширяют когнитивные способности человека, обеспечивают рост эффективности экономических рынков за счет минимизации издержек потребителей на информацию о ценовых и качественных характеристиках интересующих их товаров.

Более того, за счет расширения инструментов поиска несистематизированной информации (сайты Интернет-поиска и Интернет-каталоги), принципиального упрощения доступа к персонализированной экспертной информации (нюс-группы, веб-форумы) обеспечивается упрощение доступа людей к информации о различных возможностях: вакансиях, предложениях о сотрудничестве, участии в различного рода организациях, которые раньше распространялись преимущественно по непубличным, неформальным каналам, что дополнительно ограничивало социальную мобильность и усиливало степень социальной дифференциации. Следовательно, информационные технологии вносят прямой вклад в повышение качества жизни человека. Например, благодаря открываемому Интернетом упрощению доступа к информации, установлению новых контактов (нюс-группы, веб-форумы), появлению возможностей включения и восприятия подходов различных субкультур человеку удастся значительно расширить перечень воспринимаемых альтернатив, расширить поле возможностей собственной идентичности и самопрезентации, что позволяет в максимальной степени вырваться из-под пресса статусных, возрастных и прочих барьеров и ограничений. Этот эффект хорошо соотносится с современными постмодернистскими теориями. В настоящее время исследователи подтверждают переход граждан современных развитых государств к постиндустриальной, точнее, постэкономической системе ценностей, которая может быть представлена как сдвиг вверх в иерархии потребностей по А. Маслоу: ***рост значимости потребностей в принадлежности, признании и самоактуализации по мере удовлетворения первичных материальных потребностей.*** Этот фактор проявляется не только в росте объемов неоплачиваемой или частично оплачиваемой «волонтерской» деятельности в негосударственных некоммерческих организациях, но даже в таком коммерциализированном секторе экономики, как производство программного обеспечения.

Долгосрочная тенденция перехода к постэкономической системе ценностей позволяет говорить о перспективах повышения значимости Интернета в качестве инструмента установления эффективной коммуникации: во-первых, в качестве удобной среды как профессионального, так и неформального общения (потребность в принадлежности и признании), во-вторых, как образовательной среды и среды проявления общественной и социальной активности

(потребность в самоактуализации). В обоих качествах Интернет проявляет себя как уникальное по эффективности средство и среда коммуникации.

Непосредственное воздействие новых информационных технологий на сознание человека проявляется в первую очередь в значительном расширении его когнитивных и коммуникативных возможностей, создании новых возможностей для роста образования и самообразования, ускорения процессов самоактуализации и личностного роста. В экономическом смысле это воздействие можно интерпретировать как фактор ускоренного роста «человеческого капитала», а в психологическом и философском – как фактор, создающий новые возможности для саморазвития личности, повышения объективности воспринимаемой человеком картины мира.

Социальный аспект. Для анализа социальных последствий распространения современных информационных технологий используем современные теории «социального капитала», как «особенности социальной организации, такие, как доверие, социальные нормы, и сети, которые повышают эффективность общества через облегчение координации действий». Так, например, Ф. Фукуяма, определил социальный капитал как «подтвержденные неформальные нормы, которые способствуют сотрудничеству между двумя или большим числом индивидуумов». *Он рассматривал различные проявления социального капитала через призму концепции, известной как «радиус доверия». Он разделяет все группы, воплощающие социальный капитал, в соответствии с некоторым радиусом доверия, т.е. кругом людей, среди которых действуют совместные (кооперативные) нормы. Если социальный капитал группы производит «положительное впечатление» на окружающую среду, то радиус доверия может быть больше, чем сама группа. Возможно также, что радиус доверия будет меньше, чем членство в группе, как это происходит в больших организациях, которые способствуют выполнению совместных (кооперативных) норм только среди лидеров группы или постоянного штата. «Радиусы доверия могут присутствовать начиная от отношений между друзьями до неправительственных организаций и религиозных групп».*

При изучении возможных направлений воздействия на социальный капитал современных технологий нами были выделены четыре ключевых направления: расширение социальных возможностей личности по установлению и поддержанию

коммуникаций; упрощение формирования новых организаций и трансформация общества за счет роста их количества и масштабов в тех или иных секторах экономики и социальной жизни; трансформация действующих организаций, связанная с распространением горизонтальной, сетевой системы коммуникации в противовес коммуникации иерархичной; распространение сетевой формы организации, альтернативной как фирме, так и рынку. При исследовании социальных возможностей, открывающихся в связи с распространением Интернет-технологий, можно использовать теории анализа социальных сетей. Основная цель анализа сетей – исследование взаимодействий между социальными объектами (акторами) и выявление условий возникновения этих взаимодействий.

Впервые концепция социальной сети была введена в научный оборот в 1954 г. Д. Барнесом, который характеризует социальную сеть так: *«Каждый человек имеет определенный круг друзей, и эти друзья, в свою очередь, имеют собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие нет. Я счел удобным говорить о такого рода социальных полях как о сетях. Под этим мне видится система точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками этой системы являются люди, и линии соединения этих точек указывают, какие люди взаимодействуют друг с другом»*. Необходимость измерения насыщенности сети связями привела к разработке К. Митчелом и Д. Барнесом понятия «плотности». Плотность сети определяется соотношением всех возможных прямых связей и фактически существующих, т.е. показывает, в какой мере люди, связанные с неким лицом *A*, поддерживают контакты между собой.

Развитие интернет-технологий значительно расширяет за счет снижения издержек и изменения характера коммуникаций зону контактов практически каждого пользователя, тем самым, повышая его «личный» социальный капитал. Такие технологии, как ньюс-группы, веб-форумы, чаты, уже сейчас эффективно обеспечивают стремительное повышение плотности связей там, где ранее наблюдался дефицит каналов коммуникации, – в некоммерческих, досуговых, спортивных организациях. С другой стороны, новые информационные технологии до минимума снижают «порог входа» для установления новых коммуникаций, расширения числа друзей и знакомых, эффективно способствуя преодолению эффекта отчужденности, характерного для современных урбанизированных

городов.

Наиболее очевидные инструменты социального проектирования – интернет-сайты и интернет-форумы, позволяющие проектировать социальные сообщества с практически любыми заданными характеристиками (образовательными, возрастными, профессиональными и т.д.).

Создание интернет-ресурсов часто носит коммерческий характер, предположительно окупаясь за счет размещаемой на сайтах баннерной или иной рекламы. При этом формирование устойчивых сообществ пользователей («комьюнити») вокруг тематически четко очерченного сайта получило наибольшее развитие в сфере маркетинга (идеальная сегментация рынка). Однако не меньший интерес представляет формирование «комьюнити» вокруг некоммерческих ресурсов – научных, образовательных, политических, правозащитных, досуговых. Фактически они уже стали ядрами кристаллизации и развития реально работающих институтов гражданского общества. Создание интернет-ресурсов оказывается значительно более эффективным инструментом формирования географически распределенных организаций по сравнению с традиционными СМИ: минимальные издержки на создание и поддержку, а также на рекламу при максимальной обратной связи. В политическом аспекте снижение издержек формирования и поддержания деятельности новых организаций фактически снижает издержки участия в политической деятельности, упрощая создание «групп политического действия» и увеличивая их число, а также демократизируя участие в лоббистской деятельности (политическом процессе) для самых широких кругов избирателей.

Эффективность и сама возможность активной совместной деятельности между членами интернет-комьюнити зависит от уровня доверия между участниками сети, от этого же зависит в конечном счете и величина общественного социального капитала.

В этих условиях перспективным является целенаправленное конструирование специальных сетевых организаций, призванных обеспечить принципиально большую эффективность межличностного общения по сравнению с обычными для Интернета более или менее стихийными механизмами взаимодействия – онлайн-конференциями, чатами, списками рассылки, веб-форумами и др. Можно выделить пять основных характеристик сетевой организации (сети):

- 1) независимость членов сети;
- 2) множественность лидеров;
- 3) объединяющая цель;
- 4) добровольность связей;
- 5) множественность уровней взаимодействия.

Функциональную идеологию сетевой организации можно охарактеризовать как конкурентное сотрудничество, где оно взаимовыгодно. Следующей особенностью сетевой организации являются ее гибкость по отношению к типам социальных объектов, входящим в ее состав, и возможность включать в себя конкретных людей, единичные организации, группы организаций в любых сочетаниях. Таким образом, социальная технология формирования сетевых организаций позволяет увеличить социальный капитал общества через механизм расширенного «производства доверия». Это достижение доверия обеспечивается за счет развития и укрепления сети неформальных контактов в максимально широких профессиональных, образовательных и культурных слоях общества. Накладываясь на новые технологические возможности, Интернет облегчает формирование новых коммуникационных связей. Это позволяет существенно повысить эффективность механизмов общественной самоорганизации, ускорить формирование и развитие гражданского общества. *Широко известным примером устойчивых сетевых организаций является объединяющее десятки тысяч участников из многих стран сообщество программистов «Linux». Мотивацией к участию в подобной организации наряду с альтруистическими соображениями является приращение профессиональной репутации и статуса.*

Компьютерная революция порождает множество проблем гуманитарного характера, в том числе принципиально новые моральные вопросы, своеобразным откликом на которые можно считать возникновение такой дисциплины в рамках прикладной этики, как компьютерная этика.

В последнее время эти исследования приобретают все более дифференцированный характер с отчетливо выраженной ориентацией на утверждение амбивалентных отношений между человеком и «виртуальным миром». Обычно вся активность пользователей Интернета сводится к осуществлению трех основных видов деятельности: *познавательной, игровой и коммуникативной*. При этом познавательная деятельность связана прежде всего с желанием узнать, как функционирует компьютерная сеть, что она может делать или что можно делать в ней. Два остальных вида

деятельности достаточно понятны, в них речь идет, соответственно, о компьютерных играх, прежде всего сетевых, и общении посредством Интернета. В научных (в частности, психологических) исследованиях особый интерес вызывает описание таких крайних вариантов названных видов деятельности как хакерство, «игровая наркомания» и Интернет – аддикция или «наркозависимость» от Интернета.

В самом общем смысле компьютерная этика занимается исследованием поведения людей, использующих компьютер, на основе чего вырабатываются соответствующие нравственным предписания и своего рода этикетные нормы.

Компьютерная этика представляет собой область междисциплинарного исследования и включает рассмотрение технических, моральных, юридических, социальных, политических и философских вопросов. Проблемы, анализируемые в ней, условно можно разделить на несколько групп. *Во-первых – это проблемы, связанные с разработкой моральных кодексов для компьютерных профессионалов и простых пользователей, чья работа связана с использованием компьютерной техники. Во-вторых – проблемы защиты прав собственности, авторских прав, права на личную жизнь и свободу слова применительно к области информационных технологий. В-третьих, группа проблем, связанных с появлением компьютерных преступлений, определением их статуса, т.е. преимущественно правовые проблемы. Естественно, что вышеназванные проблемы являются лишь частью компьютерной этики.*

Само употребление выражения «компьютерная этика» весьма условно, эта дисциплина очень молода, она появилась на рубеже 70-х – 80-х гг. XX столетия, и наряду с ней употребляются такие термины, как «информационная этика» и «киберэтика». В рамках компьютерной этики выделяется особая область, называемая «хакерской этикой», основание которой заложили хакеры, пионеры, стоявшие у истоков современных информационных технологий. А с развитием сети Интернет в обиход входит и понятие «сетевой этики» или «неэтикета» (производное от net – сеть и etiquette – этикет), обозначающее совокупность правил, сложившихся среди пользователей глобальной сети.

Развитие теоретического фундамента и методологических принципов анализа проблем морали в компьютерной этике происходит в двух направлениях. Одно из них связано с попыткой

приложения уже хорошо разработанных в рамках этики идей и принципов (утилитаризма, «золотого правила» нравственности, кантовского категорического императива, консеквенциализма, т.е. учения, полагающего, что значение и ценность поступка определяется его последствиями и др.) к проблемам морали, возникающим в информационном обществе. В данном подходе за моральными проблемами, связанными с информационными технологиями, не признается специфического характера. Речь, в таком случае, идет просто о необходимости распространения того, что уже давно известно («золотого правила» нравственности, например) на область взаимодействия между людьми посредством компьютеров и сетей.

Второе направление предполагает создание уникального, специфического базиса компьютерной этики, в котором учитывалась бы специфика действий субъекта нравственности при работе с компьютером в виртуальной среде. В целом исследования в рамках компьютерной этики, как и во многих других областях прикладной этики, ориентированы на: 1) логическое доказательство, со смещением в сферу доказательства по аналогии; 2) эмпирическое обоснование, со смещением в область анализа отдельных случаев; 3) разрешение возникающих проблем на основе пунктов 1-2; 4) принятие решений на основе пунктов 1-3.

Компьютерная этика, по сути, связана с решением прикладных проблем преимущественно в тех областях, отношения в которых не регулируются законодательно. Ее цель состоит в том, чтобы достигнуть практически применимого решения на основе некоторых этических принципов и правил обобщенного характера, но важное место занимает и анализ конкретных случаев. Наиболее яркое свое воплощение компьютерная этика получила в области разработки моральных кодексов. Весьма показательна отношение к рассматриваемой проблеме в США, где первый кодекс компьютерной этики был разработан в 1979 году. Принятие кодекса было продиктовано пониманием того, что инженеры, учёные и технологи результатами своей деятельности определяют качество и условия жизни всех людей в информационном обществе. Поэтому в преамбуле кодекса подчёркивается жизненно важная необходимость соблюдения всех норм этики при разработке и эксплуатации средств информационных технологий. Впоследствии были разработаны и приняты кодексы во многих других организациях США, связанных со сферой информационных технологий, таких как «Ассоциация

разработчиков компьютерных технологий» (ACM), «Ассоциация менеджеров информационных технологий» (DPMA), «Ассоциация пользователей информационных технологий в США» (ITAA), «Ассоциация сертифицированных компьютерных профессионалов» (ICCP). На основе этических стандартов, используемых в кодексах, «Международная федерация по информационным технологиям» (IFIP) рекомендовала принять кодексы компьютерной этики национальным организациям других стран с учётом местных культурных и этических традиций. Содержание отдельных кодексов отличается друг от друга, но в их основе лежит некоторый инвариантный набор моральных установок которые условно могут быть сведены к следующим:

- 1) не использовать компьютер с целью повредить другим людям;
- 2) не создавать помех и не вмешиваться в работу других пользователей компьютерных сетей;
- 3) не пользоваться файлами, не предназначенными для свободного использования;
- 4) не использовать компьютер для воровства;
- 5) не использовать компьютер для распространения ложной информации;
- 6) не использовать ворованное программное обеспечение;
- 7) не присваивать чужую интеллектуальную собственность;
- 8) не использовать компьютерное оборудование или сетевые ресурсы без разрешения или соответствующей компенсации;
- 9) думать о возможных общественных последствиях программ, которые Вы пишете или систем, которые Вы разрабатываете;
- 10) использовать компьютер с самоограничениями, которые показывают Вашу предупредительность и уважение к другим людям.

Предварительные исследования по данной проблеме показали, практически все существующие кодексы по компьютерной этике опираются на содержание общечеловеческих ценностей. Они не регламентируют выполнение конкретных действий, совершаемых в той или иной ситуации, а создают основу для принятия индивидуальных нравственных решений. Особую важность выполнение норм моральных кодексов приобретает в тех областях профессиональной деятельности людей, в которых они имеют дело с конфиденциальной информацией, например, в банковской сфере или

сфере здравоохранения. Это связано не только с тем, что появляется соблазн использовать приватную информацию в своих корыстных целях, но и с высокой ценой возможных ошибок, совершаемых без злого умысла, просто по невнимательности.

Вопрос о практической значимости таких кодексов остается открытым. «Насколько полезными могут оказаться подобные кодексы? И могут ли работодатели внедрять их так же, как профессиональные организации? Потенциальные юридические проблемы, нарушение доверия между работодателем и служащим, а также трудности, возникающие при внедрении этих кодексов, могут перевесить их общую пользу». Следует отметить, что выполнение правил, зафиксированных в подобных кодексах, зависит, прежде всего, от порядочности человека; что же касается возможного принуждения и контролирования, то это очень сложная проблема, вызывающая массу коллизий, ведь сами правила могут быть слишком общими и неопределенными, а это, в свою очередь, затрудняет оценку того или иного конкретного случая или поступка.

В рамках компьютерной этики разработаны четыре главных принципа, на соблюдении которых основаны, кроме прочего, и моральные кодексы: 1) **privacy** (тайна частной жизни); 2) **accuracy** (точность); 3) **property** (частная собственность); 4) **accessibility** (доступность).

Принцип «privacy» выражает право человека на автономию и свободу в частной жизни, право на защиту от вторжения в неё органов власти и других людей. Он связан, с одной стороны, с проблемой защиты конфиденциальной информации, поэтому одной из главных моральных норм создателей и пользователей информационных систем должно быть обязательство по соблюдению конфиденциальности доверенной им информации. С другой стороны, этот принцип выражает отношения между властью, законом и правами личности, в частности, правом на свободу слова.

Принцип «accuracy» предполагает соблюдение норм, связанных с точным выполнением инструкций по эксплуатации систем и обработке информации, честным и социально-ответственным отношением к своим обязанностям. Применение этого принципа имеет особый смысл в случаях использования компьютерной техники в социально значимых сферах, где простая невнимательность или безответственность могут иметь огромные последствия.

Принцип «property» означает неприкосновенность частной собственности и является основой имущественного порядка в экономике. Следование этому принципу означает соблюдение права собственности на информацию и норм авторского права. Трудности его соблюдения связаны с проблематичностью использования простого, с формальной точки зрения, принципа применительно к современным реалиям информационного мира, где любая информация может быть воспроизведена, скопирована и передана по компьютерной сети в другую страну. То есть само развитие компьютерных и коммуникационных технологий ставит под сомнение возможность выполнения этого принципа. Особенно остро данное противоречие проявляется в странах, имеющих невысокий уровень экономического развития, что порождает феномен компьютерного пиратства, т.е. незаконного, нелицензионного использования и распространения тех или иных программных продуктов. С точки зрения этики, компьютерное пиратство аморально, недопустимо, но в его основе лежат экономические причины, которые необходимо учитывать при рассмотрении этой проблемы.

Принцип «accessibility» – один из главных принципов информационного общества, определяет право граждан на информацию и пред полагает доступность для каждого субъекта общества информацией иных технологий и любой, необходимой для него информации, разрешенной для доступа, в любое время и в любом месте. Этот принцип направлен на то, чтобы избежать возможного расслоения общества на тех, кто имеет доступ к информации и тех, у кого его нет, и возможной дискриминации на этой основе. Впрочем, он так же имеет слабое место, т.к. область «разрешенной» и доступной информации может быть весьма узкой и поддается контролю.

Четыре названные принципа нашли отражение в «Национальном кодексе деятельности в области информатики и телекоммуникаций», разработанном Торгово-промышленной палатой Российской Федерации в 1996 г., но основное его содержание связано с регламентацией, прежде всего, экономических и правовых отношений в сфере информационных технологий. Согласно этому кодексу, в котором нравственные установки отражены лишь косвенным образом, юридические и физические лица, действующие в области информатики и телекоммуникаций, добровольно принимают на себя следующие бессрочные

обязательства: 1) не производить, не копировать и не использовать программные и технические средства, не приобретённые на законных основаниях; 2) не нарушать признанные нормы авторского права; 3) не нарушать тайны передачи сообщений, не практиковать вскрытие информационных систем и сетей передачи данных; 4) не извлекать прибыль от использования товарного знака, принадлежащего другой фирме или продукции.

Действенность подобных кодексов во многом определяется уровнем самосознания каждого индивида, отношением общества к той или иной моральной проблеме, мерой и способом социального воздействия в случаях нарушения предписанных установок. В США, Австралии, Великобритании и некоторых других странах созданы институты, исследующие проблемы социального воздействия компьютерных технологий на личность и общество, разрабатывающие соответствующие рекомендации и методы их внедрения в общественное сознание, в учебных заведениях вводятся специальные курсы по компьютерной (информационной) этике. Нормы и принципы, изложенные в различных кодексах, отражают прикладной характер компьютерной этики. В их основе лежат некоторые традиционные, общепринятые этические представления, выступающие критерием оценки отдельных поступков.

Но в последнее время, в связи с развитием глобальной сети Интернет, появляются исследования, направленные на создание фундаментальной теоретической базы информационной этики, которая учитывала бы специфические черты осуществления действий в виртуальной среде компьютерных сетей. Необходимость поиска специфических принципов, норм и методов оценки различных действий, связанных с использованием компьютерной техники, обусловлена теми свойствами, которые приобретает информационное пространство, начиная с 90-х гг. XX столетия. Традиционные этические представления антропоцентричны, т.е. они, в основном, описывают взаимоотношения между людьми, в то время как проблемы компьютерной этики не предполагают непосредственной формы этих отношений, а поэтому к ним, в известной степени, неприменимы классические представления.

Кроме того, работа с компьютером зачастую воспринимается как игра, имеет игровую природу. По этой линии аргументации разрабатывается новый фундамент анализа проблем компьютерной этики. Выделяются следующие положения, иллюстрирующие

недостатки точки зрения, ориентированной на приложение общечеловеческих ценностей, «золотого правила» нравственности и других этических установок к проблемам компьютерной этики:

1) Невозможно точно просчитать в терминах последствий и эффектов, каким образом результаты тех или иных действий, совершаемых в «виртуальной реальности», отразятся на действительности.

2) Расстояние между субъектом действия и объектом, на который направлен поступок, в компьютерных сетях очень велико, что ставит под сомнение возможность непосредственной реакции на поступок и ответственности за совершенные действия. Кроме того, сами действия и их последствия непосредственно могут быть не связаны, что препятствует применению различных санкций к субъекту действия.

3) Высокая анонимность действий в «виртуальной реальности» изменяет представление субъекта о самом себе, он не склонен рассматривать свои поступки сквозь призму межличностных отношений, а переводит их в область технических операций или интеллектуальных игр, что автоматически блокирует действие нравственных регулятивов поведения, предполагающих отношение между людьми, т.е. между «Я» и «Ты».

4) Ограничение значения моральных норм сферой межличностных отношений приводит к тому, что, даже совершая компьютерное преступление, человек не чувствует себя виновным и ответственным за свои поступки.

Это только некоторые из положений, указывающих на специфику современного информационного пространства и необходимость тонкого и всестороннего анализа возникающих проблем в рамках компьютерной этики. Сама сеть Интернет не находится во владении какого-либо физического лица, частной компании, государственного ведомства или отдельной страны; в ней нет централизованного регулирования и цензуры, она принципиально является открытой. Процесс формирования и распространения Интернета и родственных сетей сформировал навсегда структуру нового средства коммуникации – в архитектуре сети, в культуре пользователей, в фактических структурах коммуникации. Архитектура сети останется технологически открытой, способствуя широкому публичному доступу и серьезно препятствуя введению правительственных или коммерческих ограничений. Новый

теоретический фундамент компьютерной (информационной) этики может быть построен на постулировании ценности самой информационной среды, т.е. технике, технологии и информации. В таком случае любое действие, наносящее вред либо технике, либо технологии и ее возможностям имеет отрицательное значение, т.е. безнравственно, и наоборот.

Такое положение выступает теоретическим фундаментом и критерием оценки как отдельных случаев, поступков, так и некоторого класса однотипных действий в сфере информационных технологий. Чтобы проиллюстрировать практическую значимость такого подхода при оценке моральной допустимости и правильности конкретных поступков и его отличие от традиционных, рассмотрим, например, вопрос об оценке создания и распространения компьютерных вирусов, вредоносных программ, заражающих компьютеры, воруемых и уничтожающих информацию. С точки зрения традиционной этики, отрицательная оценка компьютерных вирусов устанавливается в перспективе страдающей стороны, т.е. основной акцент делается на моральном ущербе, наносимом такого рода программами другим людям.

В свете вышеназванных специфических черт поведения в «виртуальной действительности», становится очевидным, что такая оценка не затрагивает саму причину появления вредоносных программ, не является значимой для тех, кто их создает, а потому явно недостаточна. Невозможно оценить проблему компьютерных вирусов как с точки зрения подсчета последствий и эффектов, так и используя «золотое правило» нравственности: объектом, на который направлено действие этих программ, является информация, а не человек, сами же поступки осуществляются в виртуальной среде, а не в сфере межличностных отношений. С точки зрения информационной этики, оценка действий происходит в перспективе определения влияния того или иного поступка на информационную среду. Эта позиция устанавливает ценность области информационного пространства, т.е. создание и распространение компьютерных вирусов осуждается потому, что ставит под сомнение существование этого пространства. Преимущество данного подхода в том, что он учитывает статус компьютерной техники в жизни людей. Идеальным поступком в рамках рассмотренных положений признается тот, который в результате не наносит вреда информационному пространству, а наоборот, улучшает его. Нравственная норма, в таком

случае, могла бы быть сформулирована так: «Забиться, насколько это возможно, об улучшении информационной среды и не наноси ей вреда». Впрочем, следует отметить, что и компьютерные вирусы, при определенных условиях, могут рассматриваться как положительные, т.к. они открывают слабые, уязвимые места в компьютерной технике и коммуникационных технологиях, исправление которых увеличивает степень их надежности. Но только до тех пор, пока сами вирусы не ставят под сомнение возможность существования информационного пространства.

Различие в рассмотренных подходах к анализу проблем компьютерной этики обусловлено областями приложения результатов проводимого исследования. Моральные кодексы направлены на применение в тех областях информационного общества, в которых существует возможность контроля поступков.

Второй подход пытается «работать» там, где такая возможность минимальна, в результате чего ориентированные на него исследования концентрируются вокруг самого субъекта деятельности, его ценностей, с учетом персональной ответственности и развития морального самосознания. Вместе с тем, большое внимание уделяется также разработке теоретического фундамента, опираясь на который можно было бы анализировать отдельные случаи. Одной из альтернатив попыткам приложения традиционных этических норм и принципов к проблемам морали в информационном обществе является и этика хакеров. Насчитывается огромное количество определений понятия «хакер». Э.С. Рэймонд, один из авторов, развивающих и пропагандирующих это направление в этике, в своем «Новом словаре хакера» приводит восемь определений, основные из которых следующие: 1) программист, которому изучение тонких и неочевидных возможностей системы доставляет огромное удовольствие, в отличие от большинства программистов, которые в своей работе обходятся минимально необходимыми знаниями; 2) программист-фанатик или просто программист, которому практическое программирование доставляет несравненно большее удовольствие, нежели теоретизирование на около компьютерные темы; ... б) эксперт или фанат.

Акт DMCA был принят в США по требованиям компаний, занимавшихся бизнесом в индустрии развлечений. «С одной стороны, принятие DMCA преследовало благородные цели – ограничение незаконного копирования музыки, фильмов, любой электронной

информации, представляющей коммерческий интерес. Акт Millenium налагает ограничения на исследования, публикацию сведений и создание программ, связанных с шифрованием данных». «Но с другой стороны – реальность оказалась жестче. Акт породил ряд громких скандалов, которыми стали не судебные процессы над пиратами и злоумышленниками, взламывающими защиту чужих данных, а обвинения и преследования ученых и программистов, занимающихся криптографией. Некоторые формулировки Акта предполагают слишком широкое толкование, а другие предоставляют неограниченные возможности компаниям – владельцам авторских прав в сетевой этике, как одном из подразделов компьютерной этики, формируются общие принципы и правила работы и общения в сети Интернет. Наиболее известны две основные посылки сетевой этики. 1) проявление индивидуальности поощряется и уважается; 2) сеть – вещь хорошая, и ее следует защищать и оберегать. Первая посылка закрепляет ценность личной свободы, любой человек волен искать информацию, соответствующую его интересам, он может общаться когда угодно и с кем угодно. Вторая посылка представляет собой общий принцип отношения к сети.

Существуют специальные правила хорошего тона, регламентирующие поведение в сети. Согласно им, не рекомендуется делать тех вещей, которые не поощряются в цивилизованном обществе – ругаться, оскорблять людей, разжигать национальную рознь, взламывать пароли и т.п. Осуждается распространение рекламы через группы новостей или по электронной почте. Это так называемая проблема спама, т.е. автоматической рассылки огромного количества рекламной информации, которую пользователь не хотел бы получать. В связи с тем, что при общении через Интернет собеседники не видят друг друга, в среде пользователей сети появился своеобразный слэнг, позволяющий в тексте отразить свои эмоции. Речь идет о так называемых смайликах (от англ. smile – улыбка), представляющих собой различные комбинации специальных значков, символов и знаков препинания. Они позволяют обогатить текст, эмоционально его окрасить, поэтому весьма популярны в неформальных беседах. Однако в некоторых случаях их использование не рекомендуется, ведь не все люди с ними знакомы и хотели бы их видеть в письмах и посланиях. Использование букв верхнего регистра в неэтикетке эквивалентно громкому крику, что считается признаком дурного тона и, естественно, не поощряется.

Среди пользователей сети существуют и свои методы борьбы с нарушителями правил неэтикета. Их диапазон простирается от простого отказа общаться с человеком, который ведет себя неподобающим образом, до принятия активных мер по изгнанию неэтично ведущего себя пользователя из сети.

Особое значение, как уже отмечалось выше, в компьютерной этике, как и в прикладной этике в целом, имеет анализ конкретных случаев, поэтому целесообразно рассмотреть в качестве примера одно реальное событие, в котором отражаются различные стороны проблем, рассматриваемых в компьютерной этике. Речь пойдет о законе DMCA (закон о защите авторских прав в цифровую эпоху), принятом в 1998 г. в США, и деле русского программиста Д. Складорова, арестованном по обвинению в нарушении этого закона. Дмитрий Складоров, российский программист из фирмы «Элком-софт», прибыл в США для участия в хакерской конференции «DefCon», проходившей в Лас-Вегасе с 13 по 15 июля 2001 года. На этой конференции он прочитал доклад о своей разработке – программе «Advanced eBook Processor», снимающей защиту с электронных книг фирмы Adobe. После конференции Складорова арестовали агенты ФБР по иску все той же компании, требовавшей убрать эту программу из открытого доступа. Впоследствии, разобравшись в сути дела, компания Adobe отозвала свой иск, и тогда обвинение против Складорова и фирмы «Элкомсофт» выдвинули США на основе нарушения DMCA (закон о защите авторских прав в цифровую эпоху). Суть обвинения состояла в том, что программа Складорова позволяла снимать защиту от копирования с электронных книг, разработанную фирмой Adobe. При этом любой желающий мог «скачать» эту программу с сайта фирмы «Элкомсофт». Сторона «обвинения» и сторона «защиты» приводили свои доводы «за» и «против». Главный довод «против» заключался в том, что эта программа нарушает закон «О защите авторских прав в цифровую эпоху», который как раз и подразумевает наказание за создание средств обхода защиты программных продуктов от копирования. Это правовая сторона дела. В свою очередь, довод «за» сводился к тому, что, во-первых, сам этот закон допускает весьма широкий спектр трактовок, а во-вторых, любой покупатель, приобретший товар на законных основаниях, не может быть ограничен в его использовании. Ведь у пользователей есть свои права. Значение этой программы связано с возможностью перенесения копии книги с обычного

компьютера, например, на портативный, для работы вне дома. К тому же она работает с теми книгами, которые были приобретены законным образом у фирмы Adobe. Это техническая сторона дела.

Следующий довод «против» заключался в обвинении в незаконном распространении этой программы на территории США, что отражает экономическую составляющую проблемы. Но сегодня интеллектуальная собственность переходит на новые технологии. Все может быть оцифровано и записано на компьютерные носители. Особенность цифровой информации в том, что она легко может быть скопирована и также легко передана в любой уголок земного шара (с помощью Интернета). Вследствие этого возникают трудности при определении того, что считать «распространением». Интернет не принадлежит какой-либо стране, в нем нет границ и возможностей следить за тем, кто получает информацию. В целом моральная сторона дела заключается в том, что, по сути, Складов пострадал за свою профессиональную деятельность программиста-криптоаналитика, а также в том, что в современном мире некоторые законы противоречат неотъемлемому праву каждого человека на свободу слова.

Это проблема, которая еще ждет своего решения. Дело Складова закончилось тем, что с российского программиста были сняты все обвинения. Но это лишь частный, промежуточный результат. Сейчас многие профессионалы из сферы информационных технологий проявляют беспокойство, связанное с тем, что практически любые их действия могут быть рассмотрены как нарушающие DMCA. С другой стороны, не следует забывать и о правах потребителей, которые искусственно, с помощью законодательства и современной техники, ограничиваются крупными компаниями, защищающими свои интересы. Все это связано с тем, «что самым важным вопросом информационной революции, как в социальном, так и в экономическом аспектах, является вопрос о самой информации. До сих пор информация остается загадкой».

Рассмотренные здесь проблемы и положения компьютерной этики составляют лишь часть реального многообразия ее тем. В компьютерной этике существуют как достаточно разработанные разделы, связанные с общими и профессиональными моральными кодексами, так и совершенно новые, обсуждаемые сравнительно недавно, что только увеличивает практическое значение этой дисциплины в современном мире, будущее которого в значительной

мере зависит и от тех решений, к которым придет компьютерная этика. К сожалению, приходится констатировать, что в нашей стране практически не существует специальных исследований по проблемам компьютерной этики, а также переводов работ, издаваемых в США и странах западной Европы. Там эта дисциплина развивается не только на теоретическом уровне, но и осуществляются конкретные попытки приложения результатов исследования к практической деятельности, а также внедрению различных курсов по компьютерной или информационной этике в учебные заведения. У нас обсуждение этих проблем иногда затрагивается в специальных компьютерных изданиях, прежде всего газетах и журналах, но не получает широкого распространения и, как правило, не вызывает дискуссий. Практически все проблемы компьютерной этики носят «открытый» характер, затрагивая, по мере развития информационных технологий, все большее количество людей и обуславливая новые вопросы, требующие ответов. Наиболее острыми и актуальными можно считать проблемы, связанные с оценкой деятельности хакеров, защитой авторских прав и прав личности в информационном пространстве. Но даже в тех областях компьютерной этики, где разработан теоретический фундамент анализа моральных проблем и выработаны конкретные нормы, принципы и рекомендации, как, например, в компьютерных кодексах, возникают такие дилеммы, которые не имеют очевидного правильного решения.

Как «открытые», проблемы компьютерной этики требуют дальнейшего всестороннего анализа и обсуждения всеми заинтересованными сторонами. Каждому должно быть предоставлено слово, и все мнения необходимо учитывать. «Вообще-то кажется ясно, – пишет Х. Ленк, – что компьютеры не являются моральными, социальными существами и что информационные системы не могут брать на себя – в узком смысле слова – моральную ответственность. С другой стороны, если мы хотим воспрепятствовать дальнейшему распространению какого-либо возникшего внутри системы состояния, которое не содержит явного «состава преступления», достаточного для того, чтобы обвинить его в отсутствии ответственности фактически определенного рода ответственность системы все же налицо». Компьютеризированная система принятия решений в моральном смысле не может стать полностью ответственной моральной личностью и тем самым оказаться носителем морально-практического разума.

Сказанное, разумеется, не означает, что невозможно найти пути или промежуточные возможности для решения этой проблемы. Несмотря на существующую склонность к персонификации компьютера как партнера, компьютерные системы нельзя рассматривать как моральных партнеров или как существа, обладающие практическим разумом. Вменить компьютерам моральную ответственность означало бы встать на путь легко применяемой стратегии уклонения от действительной моральной ответственности. Человек не должен уходить от нее и «передавать» ее другому, тем более техническому устройству. Моральная ответственность как нормативное вменение не может быть решена в запрограммированных системах, если даже кому-то ее крайне трудно вменить или нести».

Вопросы и задания

1. Назовите и охарактеризуйте основные виды профессиональной этики.

2. Согласны ли вы с утверждением, что «...профессионал, в отличие от профана, руководствуется прежде всего требованиями технической рациональности и подчиняет свою волю императиву долга. Он не допускает никакой отсбятины – только выполняет предписания. Это делает его равнодушным ко всему, что выходит за рамки профессиональной оптики»¹.

3. Изначальный принцип всякой профессиональной этики, её гуманистическое основание – «Не навреди!». Согласны ли Вы с данным утверждением? Ответ обоснуйте.

4. Ф. Гааз призывал – «Спешите делать добро!». Приведите примеры из профессиональной жизни известных врачей, которые иллюстрируют это высказывание.

5. Первый моральный кодекс компьютерной этики был разработан в США в 1979 году. Позднее, там же, были разработаны и приняты кодексы во многих организациях, связанных со сферой информационных технологий, таких как «Ассоциация разработчиков компьютерных технологий» (АСМ), «Ассоциация менеджеров

¹ Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов, ЛПР. Выпуск 3. Тюмень: Центр прикладной этики, 1995. С.9.

информационных технологий» (DPMA), «Ассоциация пользователей информационных технологий в США» (ИТАА), «Ассоциация сертифицированных компьютерных профессионалов» (ИССР) и т.д.

Найдите в Интернете любой этический кодекс, связанный со сферой информационных технологий и дайте его краткую характеристику.

6. В последней трети XX в. медицинская этика перестаёт быть сугубо корпоративной. Чем обусловлен интерес широкой общественности к проблемам медицинской этики?

7. Может ли врач отказаться от оказания медицинской помощи? Существуют ли уважительные причины такого отказа?

8. Согласны ли Вы с утверждением К.Д. Ушинского, что влияние личности педагога на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений. Педагогическое общение, окрашенное светом убежденности, позитивно воздействует на ум, душу, волю воспитанника: «Воспитатель никогда не может быть слепым исполнителем конструкции: не согретая теплом его личного убеждения, она не будет иметь никакой силы».

9. К.Д. Ушинский приводит классическое определение педагогического такта: это «серьёзность, допускающая шутку, но не превращающая всего дела в шутку, ласковость без приторности, справедливость без придирчивости, доброта без слабости, порядок без педантизма и, главное, постоянная разумная деятельность».

Продолжите перечисление педагога.

10. Отношения «учитель – ученик» могут иметь различные модификации, но в основном они осуществляются в рамках двух парадигм воспитания: авторитарной и личностно-развивающей (гуманистической).

Какую парадигму выбрали бы Вы и почему?

11. Компьютерная этика ставит вопрос о правильном и неправильном использовании информации в информационном обществе: каковы этические нормы создания, распространения и использования информации не только в компьютерах и с помощью компьютеров, но и во всех средствах обработки информации и с помощью этих средств, начиная с телефона и радио и кончая

телевидением и спутниками?

12. Этическая ответственность как основа социальной ответственности современного бизнеса. Социальная ответственность – репутационный индикатор или имиджевая практика компании?

13. Актуален ли категорический императив И. Канта для современного российского бизнеса и почему?

14. Чем объясняется повышенное внимание к этическим нормам поведения в деловой практике и в программах обучения?

15. Как взаимосвязаны принятие ответственности и стиль работы психолога?

16. Что означает тезис: ложь во благо как прием утаивания информации в работе психолога?

17. Какую роль играет этический кодекс как регулятор служебного поведения и деловых отношений?

18. А нужен ли психологам кодекс профессиональной этики? Не достаточно ли законов и инструкций? Зачем ещё один документ, что-то предписывающий и регламентирующий?

19. Может ли распространение персональных компьютеров привести к принципиально новым схемам моральных отношений и межличностного общения?

20. По каким критериям можно определить моральный облик инженера?

**ПРИМЕРНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ
КОДЕКС СПЕЦИАЛИСТОВ _____
(ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
АССОЦИАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ _____)**

ПРЕАМБУЛА (введение)

(Профессиональная деятельность) – это (базовое определение профессиональной деятельности).

Объектом профессиональной деятельности является человек (природные ресурсы, экономика, духовная сфера и т.п.), её предметом – благополучие человека (здоровье, безопасность, честь и достоинство и т.п.). Цели профессиональной деятельности заключаются в (_____), ее задачи – _____.

(Профессиональная деятельность) занимает важнейшее место в жизни общества, содействуя решению его проблем и выполняя функции (важнейшие функции профессиональной деятельности).

Специалист (врач, педагог, офицер, адвокат и т.п.) – это и профессия, и звание, и миссия, осуществлять которую и почетно, и ответственно, поскольку результат профессиональной деятельности необходим всему обществу и каждому его члену.

Результаты профессиональной деятельности, ее эффективность существенно зависят от поведения и действий специалистов, их личностных качеств, реализуемых в процессе деятельности. В этой связи профессиональная ассоциация специалистов считает необходимым ввести профессионально-этический кодекс, который призван стать средством регулирования и контроля деятельности, поведения и отношений специалистов, способствовать формированию и закреплению у них профессионально значимых черт личности.

Профессионально-этический кодекс, принятый национальной ассоциацией, является документом, которым все коллективные и индивидуальные члены профессиональной ассоциации обязаны руководствоваться в своей практической профессиональной деятельности. Настоящий профессионально-этический кодекс является документом, обязательным для специалистов данной

¹ См. подробнее: Медведев Г.П. Профессионально-этический кодекс. Учеб. пособ. – Казань, 2004. С. 143 – 146.

профессиональной группы – членов национальной ассоциации независимо от конкретной сферы и учреждения, в которых используются их профессиональные знания, навыки и умения.

(Представительный орган профессиональной ассоциации), члены профессиональной группы считают, что введение профессионально-этического кодекса позволит повысить эффективность профессиональной деятельности и достигнуть высокого качества ее конечного результата и одновременно избежать грубых ошибок и злоупотреблений.

ТРЕБОВАНИЯ К СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ. ГЛАВНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИДЕАЛЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Главными ценностями – целями профессиональной деятельности, к реализации которых стремятся специалисты, являются человек, его благо.

Члены профессиональной ассоциации признают и реализуют следующие ценности, являющиеся условиями достижения главных целей: 1) свобода как возможность безусловной самореализации личности; 2) достоинство, здоровье, безопасность, материальное благополучие, мировоззрение, образование членов общества и т.п.

В качестве основных средств для достижения поставленной цели профессиональная группа признает (содержание профессиональной деятельности, например, главные технологии и методы).

Члены профессиональной группы стремятся к достижению профессионального идеала. Идеалом профессиональной деятельности является (такое состояние самой профессиональной деятельности и совокупной профессиональной группы, при котором возможным становится наиболее полное удовлетворение специфических потребностей общества в конечном продукте конкретной профессиональной деятельности).

ТРЕБОВАНИЯ К ПОВЕДЕНИЮ И ДЕЙСТВИЯМ СПЕЦИАЛИСТОВ (ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ)

В своей деятельности члены профессиональной группы руководствуются следующими этическими принципами:

1. конфиденциальность – уважение права клиента на

- соблюдение его личной тайны, если это не наносит ущерба другим людям и обществу в целом;
2. толерантность – признание за клиентом (потребителем конечного продукта деятельности) права быть самим собой в пределах норм, признаваемых обществом;
 3. объективность – формирование отношения к клиенту (потребителю конечного продукта) на основе рационального, а не эмоционального подхода;
 4. бескорыстие – выполнение профессиональных действий без расчета на дополнительное вознаграждение со стороны клиента (потребителя конечного продукта деятельности);
 5. ответственность – на основе признания зависимости конечного результата деятельности от индивидуальных действий специалиста;
 6. и другие.

Члены профессиональной группы действуют в пределах своей компетентности и компетенции, не превышая полномочий, при необходимости принимая профессиональное содействие от представителей других профессиональных групп и оказывая им его.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА

Специалист несет ответственность за содержание и результаты своей деятельности перед обществом и государством, профессией, профессиональной группой, клиентами и самим собой.

Долг и ответственность перед обществом и государством заключаются в содействии достижению целей, поставленных ими перед профессией и профессиональной группой и выполнению возложенных на нее функций.

Долг и ответственность перед профессией состоят в поддержании высокого престижа и статуса профессии в обществе, сохранении ее основного смысла и содержания.

Долг и ответственность перед профессиональной группой, коллективом учреждения заключаются в сохранении единства, целостности профессиональной группы, поддержании отношений товарищества, взаимопонимания и взаимопомощи.

Долг и ответственность перед клиентом (потребителем конечного продукта деятельности) заключаются в максимальном удовлетворении разумных потребностей клиента в пределах

Долг и ответственность специалиста перед самим собой состоит в постоянном профессиональном и личностном совершенствовании,

ТРЕБОВАНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫМ КАЧЕСТВАМ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА

Смысл и содержание профессиональной деятельности требуют от специалиста таких качеств, как гуманистическая направленность личности и альтруизм, основанные на признании безусловной ценности человека и способности действовать во имя его интересов.

В отношениях с клиентами (потребителями конечного продукта деятельности), коллегами, представителями различных организаций, учреждений и т.п. специалист должен демонстрировать такие качества, как честность и открытость, порядочность и доброжелательность, чувство солидарности и ответственности.

Специфическое содержание профессиональной деятельности требует от специалиста наличия таких качеств, как (сострадательность, милосердие, эмпатия; сила воли, энергичность, терпение; справедливость, непредвзятость, терпимость и др.).

Специалист должен обладать профессиональным оптимизмом, адекватной самооценкой, стремлением к профессиональному и личностному самосовершенствованию.

Лица, стремящиеся стать членами профессиональной группы, должны обладать качествами, профессионально значимыми для профессиональной деятельности.

СИСТЕМА САНКЦИЙ

Профессиональная ассоциация специалистов заинтересована в том, чтобы ее члены следовали положениям настоящего кодекса. За несоблюдение отдельными членами профессиональной группы или коллективами специалистов требований кодекса профессиональная ассоциация имеет право наложить санкции.

Решение о наложении санкций (решение о ходатайстве о наложении санкций) принимается после тщательного изучения создаваемой для этого компетентной экспертной группой (постоянно действующей комиссией).

Наложение санкций осуществляется представительным и полномочным органом профессиональной ассоциации (по его ходатайству – полномочными административными и др. органами).

Действия специалистов, связанные с выполнением его долга и

соблюдением требований профессионально-этического кодекса в особо сложных условиях могут быть поощрены положительными санкциями.

УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИЯ И ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОГО КОДЕКСА СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ _____

(членов Российской национальной ассоциации специалистов)

Настоящий профессионально-этический кодекс (разработан и принят национальной ассоциацией специалистов на ее заседании (заседании президиума, исполнительного комитета, съезде) «___» _____ 200__ г. Протокол № _____.

Профессионально-этический кодекс распространяется на всех членов профессиональной группы (членов Российской национальной ассоциации специалистов) независимо от места их работы.

В случае возникновения профессионально-этических конфликтов между специалистами (членами Российской национальной ассоциации специалистов) и представителями иных профессиональных групп, совместно с ними работающими в специфических и неспецифических для данной профессии учреждениях, в разрешении конфликтов необходимо руководствоваться наиболее общими императивами профессионально-этических кодексов, при необходимости привлекая экспертов профессиональных ассоциаций.

Изменения в настоящий кодекс могут быть внесены как по инициативе руководства национальной ассоциации, так и по инициативе ее региональных отделений, а также отдельных членов профессиональной группы при условии, что предлагаемые изменения и правки носят существенный характер. Порядок внесения изменений в текст кодекса определяется руководством национальной ассоциации и настоящим кодексом.

Настоящий кодекс действует вплоть до его пересмотра, замены другим аналогичным документом или полной отмены. Вопрос пересмотра, замены или отмены кодекса решается профессиональной ассоциацией специалистов в общем порядке.

Настоящий профессионально-этический кодекс вводится в действие с момента его официальной публикации в средствах массовой информации.

Список использованной литературы

1. Агеев А.И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. – М.: Наука, 1991.
2. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., 1995.
3. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т.4.
4. Белякова Г.И. Профессиональная этика. – М., 1975.
5. Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства / Пер., пред., прим. Б.Г. Капустина. – М., 1998.
6. Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире. Сектор этики Института философии РАН / Этическая мысль. Ежегодник. – М.: ИФ РАН, 2000.
7. Дедюлина М.А. Этика. Учебно-методическое пособие. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005.
8. Дедюлина М.А., Папченко Е.В. Прикладная этика. Учебное пособие. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2007.
9. Дедюлина М.А., Папченко Е.В.. Этика. Учебное пособие. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2007.
10. Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. – М., 1974.
11. Дубинина М.В. Корпоративная этика инструмент социального менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. №4. 2002.
12. Иноземцев В. Творческие начала современной корпорации // Международная экономика и международные отношения. 1997. №11.
13. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса. – М., 1922.
14. Кропоткин П.А. Этика. – М., 1991.
15. Ленк Х. Размышления о современной технике. – М., 1996.
16. Максимов Л.В. Этика и мораль: соотношение понятий. Сектор этики ИФ РАН. Этическая мысль. Вып. 4. – М.: ИФ РАН. 2003.
17. Малюк А.А., Полянская О.Ю. Этика в сфере информационных технологий. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 2011 4(65).
18. Медведев Г.П. Профессионально-этический кодекс. Учеб. пособ. – Казань, 2004.
19. Милль Дж.С. Утилитарианизм. О свободе. – СПб., 1900.
20. Митчелл К. Что такое философия техники? – М., 1995.

21. Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. – М.: Дело, 2000.
22. Писаренко В.И., Писаренко И.Я. Педагогическая этика. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск, 1977.
23. Предприятие в контексте христианского социального учения // Человек и труд. 1995. №5.
24. Прикладная этика. – Мн., 2002.
25. Радаев В.В. Экономическая социология. – М.: Аспект-пресс, 1997.
26. Разин А.В. Этика. – М., 2003.
27. Руссо Ж.Ж. Избр. соч.: В 3 т. Т. 1. – М., 1961.
28. Рьюз М. Эволюционная этика: здоровая перспектива или окончательное одряхление? // Вопросы философии. 1989. №8.
29. Спенсер Г. Научные основания нравственности. Индукции этики. Этика индивидуальной жизни. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
30. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. – М., 1981.
31. Тейяр-де-Шарден П. Феномен человека. – М., 1987.
32. Федоренко Е.Н. Профессиональная этика. – Киев, 1983.
33. Философия техники: история и современность. – М., 1997.
34. Фукуяма Ф. Доверие. – М., 2005.
35. Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство или как завести собственное дело и добиться успеха. – М.: Прогресс-универс, 1991. Вып.5. С.76 – 108.
36. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т.21.
37. Этические принципы ведения дел в России / Под общ. ред. С.А. Смирнова. – М.: Финансы и статистика, 1999.
38. Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика. – М., 1998.
39. Absolut, das Absolute // Historisches Worterbuch der Philosophie. Basel, Stuttgart: Schwabe & Co Verlag, 1980. – Band 1. S.12.(3).
40. Gert B. Morality. A New Justification of the Moral Rules. N. Y.; Oxford, 1988.
41. Jacques P. Thiroux, Ethics. Theoty and Practice. Third edition. N.-Y.: Macmillan Publishing Company, 1986.
42. Rescher N. Moral Absoluts. New York etc.: Lang, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ГЛАВА 1 ФИЛОСОФИЯ МОРАЛИ.....	5
Тема 1.2. Основные способы обоснования морали.....	12
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ.....	38
ГЛАВА 3. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА.....	66

Учебное издание

**Дедюлина Марина Анатольевна
Папченко Елена Викторовна**

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА

Редактор Кочергина Т.Ф.
Корректор Надточий З.И.

Подписано в печать 06.10.2014 г. Заказ № ____ . Тираж 100 экз.
Формат 60*84 1/16. Усл. п.л. – 7,6. Уч. изд. л. – 7,5.
ГСП 17А, Таганрог, 28, Энгельса, 1.
Тел. (8634) 371717

Издательство Южного федерального университета
344091, г.Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1. Тел. (863)2478051
Отпечатано в Секторе обеспечения полиграфической продукцией
кампуса в г.Таганроге отдела полиграфической, корпоративной и
сувенирной продукции ИПК КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
Тел. (8634)371717